

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313>

УДК 332.1:338.1:338.2:339.9(470+571)

JEL: E3, E5, E6, F51, H12, M2, O1, O2, R1

М. Ю. Малкина¹,

Р. В. Балакин^{1,2}

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

² Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России, г. Москва, Россия

Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций

Контактное лицо:

Малкина Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр макро- и микроэкономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: mmuri@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3152-3934>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-2681-2017>

Scopus ID: 57195256085

eLIBRARY SPIN-код: 5055-0218

Балакин Родион Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр налоговой политики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России; Центр макро- и микроэкономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: rodion-balakin@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0494-9702>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9715-2018>

eLIBRARY SPIN-код: 8300-3828

Аннотация

Цель: выявление тенденций развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. Для этого в работе анализируется влияние новых санкций на бюджетную сферу, развитие секторов и отраслей экономики, российских регионов.

Методы: в работе используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Федерального казначейства, Министерства экономического развития РФ (Минэкономразвития), Центрального Банка Российской Федерации (Банка России), Федеральной налоговой службы (ФНС), Федеральной таможенной службы (ФТС), Федеральной антимонопольной службы (ФАС). Для их анализа применяются графический, табличный, аналитический методы.

© Малкина М. Ю., Балакин Р. В., 2024

Результаты: новые антироссийские санкции вызвали значительные изменения в страновой структуре российского экспорта и торговом балансе страны. Снижение притока иностранной валюты оказало существенное давление на курс рубля, что создавало инфляционные риски. Сдерживал девальвацию новый валютный режим Банка России. Благоприятная конъюнктура на рынке энергоресурсов в 2022 г. привела к росту доходов бюджета. Следствием активной фискальной политики, поддерживаемой умеренной денежно-кредитной экспансией, стал экономический рост 2023 г. Однако он был достигнут ценой увеличения бюджетного дефицита и внутреннего государственного долга. Ответ различных отраслей и регионов на санкционный шок оказался разнородным. Важную роль играла выработка хозяйствующими субъектами определенных приспособительных стратегий поведения, а также ответные меры властей. Новый санкционный режим российской экономики побудил пересмотреть парадигму государственного регулирования экономики. Политика дирижизма проявилась в увеличении госзаказа, субсидий и прочей поддержки защищенных отраслей при одноразовых изъятиях конъюнктурных доходов крупного бизнеса. Денежно-кредитная и налоговая политика постепенно приобрели гибридный характер. Важным инструментом государственного регулирования во время санкций стало прямое и косвенное регулирование цен.

Научная новизна: комплексный анализ тенденций развития в период новых антироссийских санкций, их влияния на внешнеэкономические параметры, бюджетную сферу, финансовую систему, развитие российских отраслей и регионов.

Практическая значимость: обобщение и анализ статистической информации о различных аспектах развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. Работа может быть полезна исследователям, изучающим функционирование российской экономики в условиях санкций, представителям бизнеса для оценки рисков, возможностей и перспектив его развития, государственным органам для формирования эффективной антикризисной политики.

Ключевые слова:

экономическая теория, санкции, бюджетная сфера, отрасли экономики, регионы РФ, денежно-кредитная политика, налоговая политика, ценовое регулирование

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00453; <https://rscf.ru/project/23-28-00453/>

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Малкина, М. Ю., Балакин, Р. В. (2024). Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313>

Scientific article

M. Yu. Malkina¹,

R. V. Balakin^{1,2}

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

² Financial research institute of the Ministry of finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions

Contact:

Marina Yu. Malkina, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Center for Macro- and Microeconomics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: mmuri@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3152-3934>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-2681-2017>

Scopus ID: 57195256085

eLIBRARY SPIN-код: 5055-0218

Rodion V. Balakin, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
Financial research institute of the Ministry of finance of the Russian Federation;
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: rodion-balakin@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0494-9702>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9715-2018>
eLIBRARY SPIN-код: 8300-3828

Abstract

Objective: to identify trends in the development of the Russian economy during the new anti-Russian sanctions. To this end, the paper analyzes the impact of the new sanctions on the budgetary sphere, the development of economic sectors and industries and the Russian regions.

Methods: the work uses data from the Federal State Statistics Service (Rosstat), the Federal Treasury, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Ministry of Economic Development), the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), the Federal Tax Service (FTS), the Federal Customs Service (FCS), the Federal Antimonopoly Service (FAS). For their analysis, graphical, tabular, and analytical methods are used.

Results: the new anti-Russian sanctions caused significant changes in the structure of the Russian exports and trade balance. The reduced inflow of foreign currency put significant pressure on the ruble exchange rate, which created inflation risks. The devaluation was restrained by the Bank of Russia new currency regime. The favorable situation in the energy market in 2022 led to an increase in budget revenues. In 2023, economic growth resulted from an active fiscal policy supported by moderate monetary expansion. However, it was achieved at the cost of an increase in the budget deficit and public debt. The response of different industries and regions to the sanctions shock was heterogeneous. The development of certain adaptive strategies by economic entities, as well as the response of the authorities played an important role. The new sanctions regime prompted a revision of the state economy regulation paradigm. Dirigisme manifested itself in the increase of state orders, subsidies and other support for protected industries with one-time withdrawals of opportunistic revenues of big business. Monetary and fiscal policy gradually acquired a hybrid character. Direct and indirect price regulation became an important instrument of state regulation during the sanctions.

Scientific novelty: it consists in a comprehensive analysis of development trends during the new anti-Russian sanctions, their impact on foreign economic parameters, budgetary sphere, financial system, development of Russian industries and regions.

Practical significance: statistical information on various aspects of the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions was summarized and analyzed. The work can be useful to researchers studying the functioning of the Russian economy under sanctions, as well as to businesspersons for assessing the risks, opportunities and prospects of their businesses development, and to government agencies for forming an effective anti-crisis policy.

Keywords:

economic theory, sanctions, budget sphere, economy sectors, Russian regions, monetary policy, tax policy, price regulation

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00453; <https://rscf.ru/project/23-28-00453/>

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Malkina, M. Yu., & Balakin, R. V. (2024). Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313>

Введение

Актуальность. Российская экономика с 2014 г. сталкивается с беспрецедентным санкционным давлением, которое значительно усилилось и приобрело более комплексный и целенаправленный характер после объявления Россией 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине. Новые санкции призваны

бить по наиболее чувствительным секторам и сферам деятельности российской экономики (нефтегазовый сектор, система межбанковских платежей, доступ к международным рынкам капитала), что, по задумке их организаторов, должно было породить массу негативных экстерналий. Однако активная роль государства и его институтов вместе с выработкой бизнесом приспособительных реакций позволили преодолеть значительный спад в экономике и осуществить первые трансформационные преобразования. При этом неопределенность сохраняется на очень высоком уровне, возникают новые риски и новые угрозы для макроэкономической и институциональной стабильности российской экономики. Продолжение эффективного противостояния санкциям требует оценки имеющегося у России потенциала и новых появляющихся возможностей, а также создания замещающих институтов и технологий. Необходимы также комплексное осмысление уже пройденного пути, выявление новых тенденций развития и оценка эффективности санкций для разных сфер и отраслей российской экономики, ее регионов. Этим определяется актуальность настоящего исследования.

Цель. Выявление тенденций развития российской экономики в период новых антироссийских санкций.

Задачи. Анализ влияния новых санкций на бюджетную и внешнеэкономическую сферу, финансовую систему, развитие секторов и отраслей экономики, российских регионов, изменения подходов к государственному регулированию. Решением этих задач обусловлена структура статьи.

Степень разработанности проблемы. Экономические реформы, направленные на выход из глобальных экономических кризисов (Великой депрессии, нефтяного кризиса 1973–1975 гг., финансового кризиса 2008–2009 гг. и коронавирусной рецессии), государствами осуществлялись на протяжении последних ста лет. При этом во время каждого кризиса происходило так называемое созидательное разрешение по Й. Шумпетеру: менялась структура производства, появлялись новые институты, совершенствовались подходы к государственному регулированию экономики. Так, управленческий опыт устойчивого развития и цифровизации, полученный во время пандемии COVID-19, в значительной степени подготовил российские компании к новым адаптационным вызовам (Gaidar Institute Publishers, 2023). Авторы указанного сочинения делают вывод о том, что в условиях новых антироссийских санкций и развития мобилизационной экономики будут меняться также нормативные и практические подходы к управлению компаниями и корпорациями. Некоторые исследователи (Дементьев и др., 2024) отмечают, что наибольшего успеха в плане усиления своих позиций на мировой арене достигают страны, осуществляющие во время кризисов инвестиции в исследования и разработки. Также автор (Дементьев, 2023) отмечает, что для устойчивости экономического развития в период новых антироссийских санкций особенно опасны нарушения поставок, обладающих сильным веерным эффектом и затрудняющих работу многих отраслей национальной экономики. Для успешного противостояния этому России необходимо формировать потенциал замещения таких поставок и контролировать ряд макротехнологий, которые будут доминировать в будущем.

Российские ученые предлагают различные классификации антироссийских санкций по разным критериям. Например, в работе (Ушкалова, 2022) выделяются три группы санкций против российской экономики, согласно сфере их влияния: 1) финансовые, 2) логистические, 3) внешнеторговые. В статье Ереминой (2019) выделяются торговые и финансовые санкции. В монографии Малкиной с соавторами (2023) санкции разделены по отраслевому признаку и сфере применения.

В статьях российских экономистов подробно изучалось влияние санкций на отдельные отрасли и сектора российской экономики: нефтяную отрасль (Каукин и др., 2023), транспортную отрасль (Фокеев, 2022), золотодобычу (Гальцева, Шарыпова, 2023), фармацевтическую отрасль (Гусев, Юревич, 2023) и др. Были выявлены угрозы и потенциальные возможности развития этих отраслей в новых условиях. В статье Манушина (2023) установлены отрасли, ставшие драйверами развития экономики страны, а также отрасли, подвергшиеся наиболее существенному давлению в результате введения антироссийских санкций. Отмечается, что российская экономика в целом в среднесрочном периоде справилась с санкционной нагрузкой лучше, чем мировая экономика с последствиями санкций.

Ряд работ отечественных авторов посвящен влиянию нового санкционного режима на функционирование российской финансовой системы. Среди наиболее острых проблем развития отечественной финансовой системы, доставшихся в наследство от прошлого, с которыми она вошла в период новых санкций, называют неразвитость финансовых институтов и финансового рынка, отставание российской банковской системы от среднемирового уровня, нестабильность фондового рынка страны (волатильность финансовых инструментов и низкую инвестиционную привлекательность, невысокую финансовую грамотность населения) (Korostelkina

et al., 2020). Авторы указанной статьи отмечают, что новые риски для финансовой устойчивости требуют постоянного мониторинга состояния финансовой системы и оперативного реагирования властей на изменение ее состояния.

В связи с отраслевыми и пространственными эффектами новые антироссийские санкции оказали существенное влияние на функционирование экономик российских регионов. Этим аспектам посвящены работы Михеевой (2023) и Земцова с соавторами (2023). Регионы продемонстрировали разную степень устойчивости (резильентности) к воздействию санкционных шоков (Malkina, 2023). Налоговые системы регионов (Малкина, Балакин, 2023), а также региональные доходы населения и предприятий (Малкина, 2023) ощутили разный уровень стресса в условиях новых антироссийских санкций.

Влияние внешних шоков на динамику бюджетных показателей рассматривалось исследователями и до 2022 г. В частности, Лыкова (2016) отмечает, что риски внешних шоков транслируются на всю бюджетную систему, которая критически зависит от трансфертов из федерального бюджета, а повышение устойчивости бюджетной системы к внешним шокам предполагает и повышение устойчивости к ним региональных бюджетов. В работе Konovalova et al. (2019) отмечается, что падение нефтяных котировок отражается на государственном бюджете и мультипликативный эффект оказывает пагубное влияние на экономическую активность в смежных с энергетикой отраслях, а впоследствии и на экономический рост в целом. После 2022 г. интерес к теме очевидно усилился. Отметим публикацию Климанова и Михайловой (2023), где говорится о том, что элементы ручного управления в кризисные периоды увеличиваются, при этом у нижестоящих уровней бюджетной системы возможностей ответа на вызовы турбулентного времени меньше, чем у вышестоящих. Зубаревич и Землянский (2023) на основе анализа исполнения консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации по итогам 2022 г. делают вывод, что сохранилась географическая рассинхронизация динамики налоговых и неналоговых доходов и межбюджетных трансфертов в регионах.

Исследователи отмечают, что важную роль в реакции отраслей российской экономики и регионов на новый санкционный шок сыграли не только масштаб воздействия и уровень испытанного стресса, но и выработка хозяйствующими субъектами определенных приспособительных стратегий поведения, а также ответные меры федеральных, региональных и местных властей.

Так, новый санкционный кризис по своим последствиям оказался совершенно иным для предпринимательского сектора, нежели пандемический кризис. Согласно Симачеву с соавторами (2023. С. 7), пандемия больше отразилась на малых и средних предприятиях, секторах экономики с горизонтальной координацией (общественное питание, розничная торговля), тогда как новый санкционный кризис в большей степени затронул крупные предприятия, сектора с вертикальной координацией (автомобилестроение, авиастроение). Проведенный авторами масштабный социологический опрос показал, что в 2022 г. 39 % предприятий почувствовали только негативное влияние санкций, 3 % – только их позитивное влияние, 25 % – и негативное, и позитивное влияние. Треть предприятий на первом этапе не ощутили какого-либо эффекта санкций вообще. В работе приводятся данные о проблемных зонах и новых возможностях предприятий разного масштаба и отраслевой принадлежности. Кроме того, авторы выявили четыре стратегии адаптации российских предприятий к санкциям: 1) рестрикционную стратегию; 2) перенаправление инвестиций и упрощение выпуска продукции; 3) изменение цепочек поставок; 4) инновации и взаимодействие с государством (Симачев и др., 2023. С. 7).

Некоторые авторы отмечают растущую тенденцию более глубокого контроля государства за деятельностью компаний во всех сферах регулирования. В частности, в работе Zhutiaeva et al. (2021) отмечается тенденция интеграции налогового контроля во внутренние бизнес-процессы организаций, что, по их мнению, должно способствовать укреплению взаимного доверия бизнеса и государства. Одним из позитивных последствий этих процессов для макроуровня авторы называют возможность Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) более оперативно отслеживать сбои в стабильности налоговых поступлений и принимать оперативные решения для их устранения в режиме реального времени.

В условиях новых антироссийских санкций проявились и новые адаптационные стратегии населения. На поведение населения влияют как санкции, так и контрсанкции, предпринятые российским государством. Вызывая разное изменение цен на разные группы товаров и уровня реальных потребительских расходов, они порождают движение домохозяйств между группами по уровню благосостояния (Скрыпник и др., 2024). Проведенный Фроловой и Рогач (2023) опрос среди населения ряда регионов России показал, что основны-

ми причинами роста тревожности среди россиян являются сжатие потребительского спроса, исчезновение с прилавков некоторых товаров и закрытие привычных магазинов. Другой автор (Каравай, 2023) показала, что повседневные приспособительные практики общения населения положительно сказываются на состоянии различных компонентов социального капитала.

Ряд работ отечественных экономистов посвящен изучению краткосрочных и долгосрочных последствий санкций. Так, исследуя эффективность антироссийских санкций, С. А. Афонцев (2022) рассматривает четыре парадокса: парадокс неэффективности санкций, парадокс обратной реакции на санкции со стороны стран-адресатов, парадокс наращивания неэффективного давления и парадокс ответных мер. Другой российский экономист, О. В. Буклемишев (2022), утверждает, что, вопреки предположению о связи санкций с процессами деглобализации экономики, они не вступают в противоречие с продолжающейся глобализацией. Д. И. Ушкалова (2022) обнаруживает «ловушку большой страны», состоящую в том, что большая доля России на мировых рынках энергоресурсов при низкой диверсификации российского экспорта привела к значительному увеличению мировых цен на энергоресурсы после введения санкций против России. Это повышение цен позволило России компенсировать снижение поставок энергоресурсов.

Краткосрочные и долгосрочные последствия санкций могут принципиально различаться. Например, Осипов и Сатторов (2023) обосновывают «убывающую (во времени) отдачу» от санкций влиянием таких факторов, как изменяющаяся мировая экономическая и политическая ситуация, привыкание и адаптация, международная координация, противодействие и контратаки, внутренние факторы, противоречивые интересы. Д. В. Манушин отмечает, что антироссийские санкции после пятого их пакета во многом стали демонстративными, а ситуационное реагирование российских властей на санкции было масштабным, соответствовало текущей ситуации, осуществлялось продуманно и эффективно (Манушин, 2024).

К предполагаемым позитивным последствиям приспособления к санкционным режимам относятся, прежде всего, импортозамещение и обретение страной технологического суверенитета. При этом Гареев (2023) пишет о том, что обеспечение технологического суверенитета в краткосрочном периоде может привести к снижению экономической эффективности, но в долгосрочной перспективе позволит снизить риски экстерриториального институционального влияния. Среди позитивных последствий называется также развитие финансового суверенитета России – собственной финансовой инфраструктуры, системы расчетов, цифрового рубля, уменьшение зависимости банковской системы от иностранного капитала (Дудин и др., 2023), что в мировом масштабе способствует финансовой деглобализации (Гузикова и др., 2022).

Также исследователи отмечают некоторые преимущества российской экономики, которые должны быть использованы в антисанкционной политике, к числу которых относится дешевизна энергии, масштабы страны и разнообразие ее производственного потенциала. Ключевыми рисками развития российской экономики в среднесрочной перспективе остаются ее высокая зависимость от импорта и технологическое отставание российской экономики, что требует качественной переориентации экономического роста, значительных затрат на НИОКР (Широв, 2023).

Исследуя перспективы развития российской экономики, Е. Б. Ленчук (2023. С. 225) указывает на особую важность стратегического прогнозирования и развития его инструментов в условиях усиления внешних угроз, что вписывается в политику дирижизма¹. В рыночно ориентированных подходах акцент делается скорее на управлении рисками экономической системы. Согласно Якобсон (2023. С. 234), это управление включает: обеспечение жизнеспособности (*sustainability*) системы – сохранение ее функционала; сопротивляемость (*resilience*) – способность к купированию последствий шоков, восстановлению равновесия; адаптивность (*adaptability*) – способность динамически развиваться на основе новых возможностей. Сравнивая мобилизационную и либерализационную стратегии развития в условиях санкций, В. М. Полтерович (Полтерович, 2023) обосновывает большую эффективность стратегии миролюбивого позитивного сотрудничества, которая на первых стадиях должна включать формирование институтов догоняющего развития и сокращение неравенства.

¹ Дирижизм (от фр. *diriger* – «направлять») – экономическая доктрина, в которой государство играет сильную директивную (политическую) роль в противовес чисто регулятивной интервенционистской роли в рыночной экономике (*Dirigisme*. Oxford Dictionaries).

Говоря о перспективах российской экономики, необходимо особо отметить прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.² Министерства экономического развития РФ, который выделяет базовый и консервативный сценарии развития экономики, а также определяет источники роста в условиях санкций для обеспечения устойчивости развития экономики.

Результаты исследования

Российская экономика в период доковидных санкций и пандемии COVID-19

Первые антироссийские санкции были введены в 2014–2015 гг. после присоединения Россией Крыма. В доковидный период санкции носили несистемный и точечный характер. Однако с осознанием новых угроз начались изменения в экономической политике (импортозамещение, поддержка отечественных производителей), которые уже тогда наметили некоторые новые тренды в российской экономике. При этом в целом до 2022 г. существенных изменений в структуре экономики и качестве экономического роста в России не произошло (рис. 1). Так, доля добывающего сектора в валовой добавленной стоимости в основных ценах увеличилась с 9,3 % в 2013 г. до 12,8 % в 2019 г. и 13,2 % в 2021 г., обрабатывающего сектора – выросла с 12,7 до 14,4 % в 2019 г. и упала до 14,1 % в 2021 г., сельского хозяйства и рыболовства – выросла с 3,4 до 3,9 % и до 4,4 % соответственно. При этом уменьшилась доля строительства и торговли. Следует отметить, что 24,6 % всего прироста обрабатывающего сектора в 2019 г. к 2013 г. обеспечил рост металлургического производства, еще 13 % – рост производства кокса и нефтепродуктов³. Иными словами, сырьевая направленность российской экономики сохранялась, она оставалась экономикой с низкой добавленной стоимостью.

Российская экономика продолжала сильно зависеть от экспорта энергоресурсов, хотя ситуация медленно улучшалась. В 2013 г. доля минеральных продуктов в структуре товарного экспорта составляла 71,5 %, еще 10,5 % экспорта представляли металлы, драгоценные камни и изделия из них, 5,9 % – продукция химической промышленности, каучук. В 2019 г. эта структура несколько изменилась: доля минеральных продуктов упала до 63,3 %, металлов – увеличилась до 12,5 %, продукции химической отрасли выросла до 6,4 %. Доля машин, оборудования и транспортных средств в структуре российского экспорта за семь лет также несколько выросла: с 5,5 до 6,6 %⁴, однако оставалась небольшой.

Допандемические санкции прежде всего негативно повлияли на торговлю России со странами-инициаторами и прямые иностранные инвестиции. Так, по данным ЦБ РФ, прямые иностранные инвестиции в российскую экономику за первые полтора года санкций сократились на 24 % (упав с 494 025,21 млн долл. США на 01.07.2014 до 375 034,32 млн долл. США на 01.01.2016)⁵. А сальдо торгового баланса сократилось со 188,93 млрд долл. США в 2014 г. до 90,26 млрд долл. США в 2016 г.⁶ В первое время санкции не позволили в полной мере реализовать планы «восточного разворота» экономических связей России (Белозеров, Соколовская, 2020). При этом одним из положительных последствий санкционного давления на российскую экономику стало активное импортозамещение в ряде отраслей, что способствовало укреплению промышленного суверенитета России. Благодаря импортозамещению наблюдался активный рост производства сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. Наиболее высокими темпами росло отечественное производство свинины, творога и молока, фруктов и ягод, мороженой рыбы, отставало производство говядины и овощей. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), доля импорта в товарных ресурсах говядины уменьшилась с 59 % в 2013 г. до 33,5 % в 2019 г. и 24,7% в 2021 г., свинины – с 31 до 2,5 % и 0,3 %, мяса птицы – с 12,8 до 4,3 % и 4,6 %, масла животного – с 35,9 до 28,3 % и 28,5 %, сыров – с 48 до 30,4 %, кондитерских изделий – с 12 до 7,7 % и 8,1 %⁷. Однако в производстве машин

² Министерство экономического развития Российской Федерации. (2022). Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html

³ Официальный сайт Росстата. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

⁴ Официальный сайт Росстата. https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya

⁵ Официальный сайт Банка России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/

⁶ Там же.

⁷ Официальный сайт Росстата. <https://rosstat.gov.ru/folder/11188>

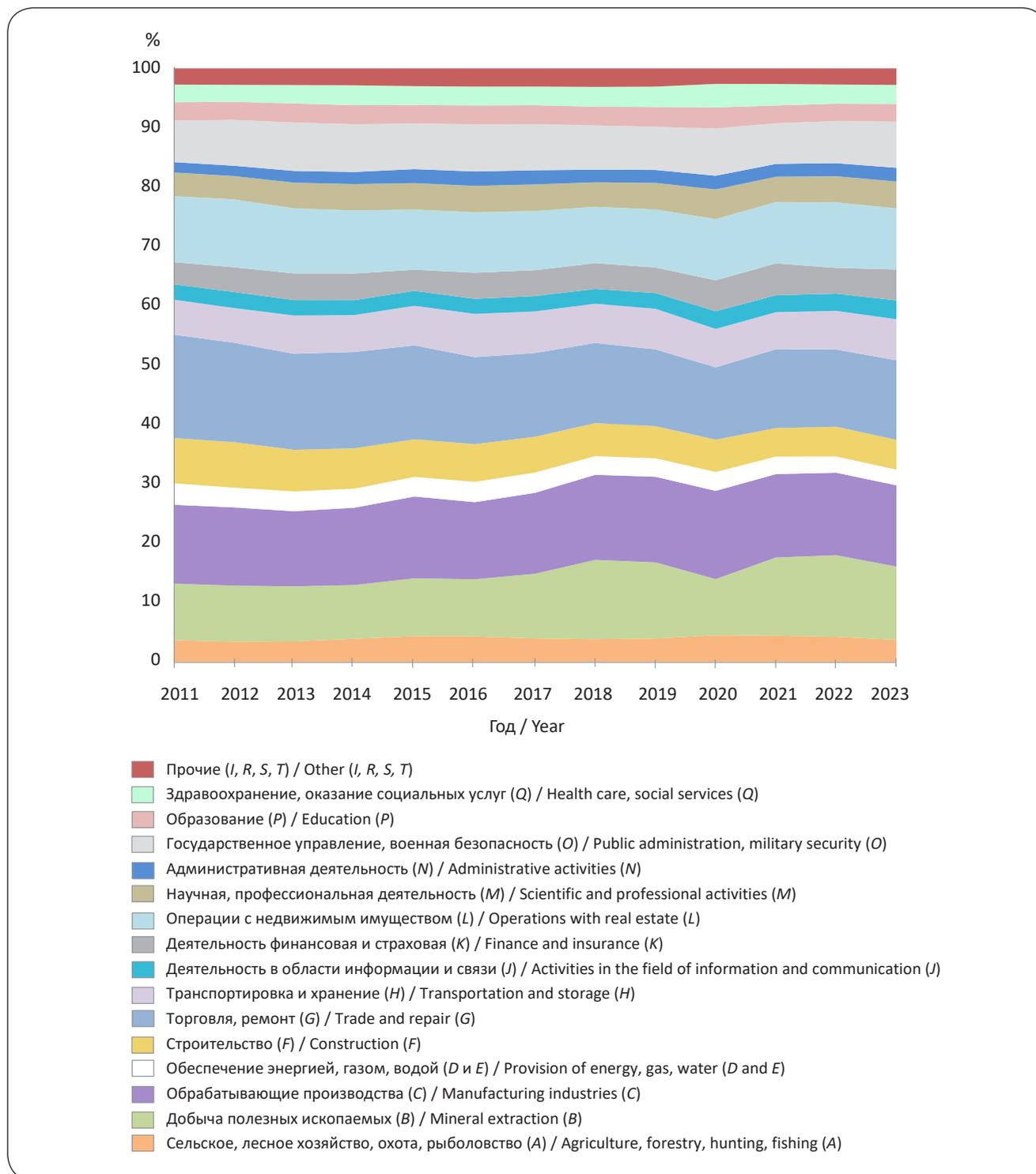

Рис. 1. Динамика структуры добавленной стоимости в российской экономике (по основным ценам)

Примечание. Буквами А – Т в легенде обозначены разделы ОКВЭД. Названия некоторых разделов сокращены.

Источник: подготовлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>).

Fig. 1. Dynamics of the value added structure in the Russian economy (basic prices)

Note: Letters A–T in the legend denote sections of the Russian Classification of Economic Activities. The titles of some sections are abbreviated.

Source: prepared by the authors based on Rosstat data (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>).

и оборудования подобных успехов не отмечалось, а в производстве сельхозпродукции и пищевых товаров все еще существенной оставалась импортная составляющая.

Период допандемического санкционного давления был прерван кризисом, вызванным пандемией COVID-19. В результате этого кризиса реальный ВВП России в 2020 г. снизился на 3,1 %. Как отмечает в своем исследовании А. А. Широ (Shirov, 2022), масштаб и глубина экономического спада в период COVID-19 во многом зависели от действий властей по ограничению экономической активности. Однако на протяжении пандемии подходы государства к антикризисной политике менялись, и зависимость экономической активности от ограничительных мер снижалась. Антикризисная политика в России привела к определенным успехам в поддержке экономики, но не предотвратила значительных социально-демографических потерь, приведших к уменьшению человеческого капитала и производственного потенциала. Требовался комплекс мер в области демографической, социальной, бюджетной, интеграционной и, прежде всего, научно-технической политики (Shirov, 2022).

К положительным последствиям пандемического шока на государственном уровне можно отнести рост мобилизационной готовности российской экономики и выработку новых подходов в экономической политике в чрезвычайных ситуациях, а на уровне предпринимательского сектора – некоторое развитие цифровых технологий и навыков дистанционной работы (Аганбегян и др., 2020; Kolomak, 2020).

Постпандемический период привел к значительному росту российской экономики (5,6 % по итогам 2021 г.⁸), однако этот рост носил в основном восстановительный характер и также не сопровождался значительными структурными сдвигами в экономике. Качество его оставалось прежним, в частности, в этот период не произошло сколь-либо заметного снижения зависимости российской экономики от сырьевого сектора (Пономаренко и др., 2020). Российская экономика в целом катилась по старой колее, хотя и с некоторыми препятствиями, которые в целом относительно успешно преодолевала.

Новые антироссийские санкции

Новые беспрецедентные антироссийские санкции были введены рядом развитых стран после начала Россией специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. Эти санкции, а также введенные Россией ответные меры привели к резкому изменению ситуации на мировых и национальных рынках (финансовых, товарных, кредитных, трудовых), что сказалось на устойчивом развитии экономики страны (Френкель и др., 2023). Результатом стало нарушение логистических цепочек поставок, сокращение состава товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности. Выросла угроза товарного дефицита, ухудшения качества продукции, инфляции, негативного изменения структуры ВВП, снижения инвестиций в основную и человеческий капитал (Френкель и др., 2023).

Между тем в 2022 г. российская экономика все еще использовала ранее накопленный капитал. Благодаря благоприятной конъюнктуре на мировом рынке нефти и продолжению многих контрактов на поставку энергоресурсов в европейские страны в первый год СВО удалось обеспечить положительное сальдо торгового баланса и приток иностранной валюты, что способствовало укреплению рубля осенью – зимой 2022 г. Положительный импульс развитию российской экономики также дало вполне успешное в этом периоде перенаправление торговых потоков через страны, не присоединившиеся к санкциям (Китай, Индию, Турцию и т. д.). В отличие от пандемического шока новые антироссийские санкции привели к существенной и достаточно быстрой переориентации мирохозяйственных связей России (Тимофеев, 2022).

В 2023 г. произошли значительные изменения в страновой структуре российского экспорта: если в 2022 г. 45 % российского экспорта направлялось на европейские рынки и 49 % – на азиатские, то в 2023 г. на Европу приходилось уже только 20 % российского экспорта, а на Азию – 72 %. Заметно увеличился экспорт в африканские страны – с 2 до 5 %. Страновая структура импорта также изменилась, но в меньшей степени: доля импорта из Европы сократилась с 35 до 28 %, из Америки – с 7 до 5 %, при этом импорт из азиатских стран увеличился с 57 до 66 %⁹.

⁸ Официальный сайт Росстата. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

⁹ Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

В 2023 г. наметились существенные изменения в торговом балансе страны. По данным Росстата¹⁰, экспорт из страны в 2023 г. сократился на 28,3 % по сравнению с 2022 г., а импорт увеличился на 11,7 %. Согласно данным ЦБ РФ, сальдо торгового баланса уменьшилось с 315,57 млрд долл. США в 2022 г. до 120,83 млрд долл. США в 2023 г.¹¹ Снижение притока иностранной валюты в условиях санкционного замораживания части международных резервов РФ стало оказывать существенное давление на курс рубля. Учитывая присутствие в потребительской корзине около 40 % импортных товаров, не говоря уже о зависимости производителей от импортного сырья, оборудования и комплектующих, угроза девальвации рубля становилась вполне реальной и создавала новые инфляционные риски. В целом рост волатильности рубля негативно сказывался на стабильности российской экономики (Sio-Chong et al., 2024).

Сдерживал девальвацию новый валютный режим Банка России, включающий введенное еще в марте 2022 г. Банком России ограничение на снятие денег с валютных счетов населения и возврат обязательной продажи валютной выручки экспортерами в размере 80 % – с февраля 2022 г., 50 % – с мая 2022 г., в октябре 2023 г. порог был снова поднят до 80 %. Кроме того, экспортерам вменили в обязанность продавать внутри страны в течение двух недель не менее 90 % валютной выручки (и не менее 50 % от каждого экспортного контракта в течение месяца)¹².

Важную роль также играло изменение механизмов и методов государственного регулирования в условиях санкций. Новый санкционный режим российской экономики прежде всего побудил пересмотреть парадигму государственного регулирования экономики в сторону укрепления политики дирижизма, хотя сама тенденция усиления роли государства в экономике обозначилась уже давно. Во время СВО политика дирижизма проявилась в увеличении госзаказа (например, за девять месяцев 2023 г. объем госзакупок в РФ вырос на 11 %¹³), субсидий и прочей поддержки защищенных отраслей при одноразовых изъятиях конъюнктурных доходов крупного бизнеса¹⁴. Государство также активно содействовало проектам, из которых выходили иностранные партнеры, находило им замену и брало на себя выбывающее финансирование. Примером является замещение иностранных активов в проектах освоения Арктики (Sharovalova et al., 2020).

Влияние новых санкций на бюджетную систему

Основное влияние новых антироссийских санкций на бюджетную систему было по следующим каналам: 1) производственному – изменение объема и структуры производства вследствие трудностей с обеспечением импортными факторами производства в ряде отраслей и их разного приспособления; 2) доходному – изменение уровня налоговых поступлений в бюджет из-за изменения объемов производства и структуры добавленной стоимости в разных отраслях, а также неналоговых доходов; 3) расходному – изменение расходов на государственные проекты и программы. На состояние бюджетной системы влияли как интенсивность санкций, так и приспособление российских производителей и активная государственная политика.

В 2022 г. в целом сформировалась благоприятная конъюнктура на рынках энергоресурсов: среднегодовая цена на нефть марки *Urals* составила 76,09 долл. США за баррель¹⁵, газа – 1 260,8 долл. США за тыс. кубометров¹⁶. Ввиду привлекательных цен экспортируемых ресурсов и продолжающихся поставок на европейские рынки государственный бюджет России получил дополнительные нефтегазовые доходы. Уже в I полугодии

¹⁰ Там же.

¹¹ Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации в 2023 году. (2024). Официальный сайт Банка России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/

¹² Интерфакс. (2024, 23 января). Минфин РФ счел обоснованным продление обязательной продажи валютной выручки. <https://www.interfax.ru/business/941558>

¹³ Интерфакс. (2023, 30 октября). Объем госзакупок в РФ за девять месяцев 2023 года вырос на 11 %. <https://www.interfax.ru/business/928337>

¹⁴ Крючкова, Е., Вислогузов, В. (2023, 29 июня). Сверхусилие для сверхналога. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/6070196>

¹⁵ Вишневецкая, А. (2023, 05 января). Минфин назвал среднюю цену российской нефти в 2022 году. Газета.ru. <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/01/05/19422661.shtml?ysclid=lvcsyjdv0154742125>

¹⁶ Титоренко, Д. (2022, 31 декабря). ICE: средняя биржевая цена на газ в Европе в 2022 году составила \$1260,8. Газета.ru. <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/12/31/19399675.shtml?ysclid=lvct4n3yyh225537415>

2022 г. эти доходы позволили полностью скомпенсировать возросший нефтегазовый дефицит, вызванный ростом бюджетных расходов (Букина, 2022).

Между тем доходы уровней бюджетной системы росли неравномерно. Так, доходы федерального бюджета в 2022 г. увеличились на 10,04 %, консолидированного бюджета субъектов РФ – на 12,14 %, бюджета государственных внебюджетных фондов – на 18,57 %¹⁷. Произошли изменения и в структуре доходов. Рост доходов консолидированного бюджета РФ в 2022 г. был в основном обеспечен за счет нефтегазового сектора. Произошло значительное увеличение поступлений в консолидированный бюджет НДС (его прирост составил 49,51 %) и НДС (налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, прирост 67,06 %). Заметный рост также продемонстрировал НДФЛ (на 17,31 %) и соответственно страховые взносы (на 4,2 %), что сыграло немаловажную роль в увеличении доходов внебюджетных фондов.

При этом необходимо отметить существенное снижение в 2022 г. поступлений по акцизам (на 245,84 %), а также снижение доходов от внешнеэкономической деятельности (на 3,34 %) и поступлений от налогов на товары, ввозимые на территорию РФ (на 18,07 %). В структуре доходов консолидированного бюджета в 2021 г. поступления от этих налогов составляли 0,3; 7,4 и 7,8 % соответственно, а в 2022 г. – уже 0,2; 6,5 и 5,8 %. Доходы от внешнеэкономической деятельности продолжали снижаться и в 2023 г., их доля в общих поступлениях в консолидированный бюджет в этом году упала до 4,2 %¹⁸.

В 2022 г. произошел также существенный рост расходов бюджета, прежде всего на военные нужды, финансирование национальных проектов и социальных программ. Это было обусловлено как обострением международной напряженности, так и предстоящими в 2023 г. президентскими выборами. Так, согласно данным Федерального казначейства, в 2022 г. финансирование государственных целевых программ составило 77,37 % от расходов федерального бюджета, их прирост в номинальном выражении составил около 19 % к уровню 2021 г.¹⁹

В итоге прирост доходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2022 г. по отношению к 2021 г. составил 10,3 %, а прирост расходов – 17,23 %. Объем доходов консолидированного бюджета достиг 53 074 млрд руб., а расходов – 55 181,81 млрд руб. В результате образовался дефицит консолидированного бюджета РФ в 2022 г. в размере 2 108 млрд руб., т. е. 3,97 % от доходов (для сравнения, в пандемическом 2020 г. наблюдался дефицит 4 297 млрд руб., а в восстановительном 2021 г. – профицит 1 045 млрд руб.)²⁰. Разнонаправленная динамика относительных доходов и расходов бюджета привела к тому, что в 2022 г. доходы консолидированного бюджета сократились на 0,6 п. п. ВВП, достигнув минимального за последние годы уровня (35,0 % ВВП), а расходы выросли на 1,6 п. п. ВВП (достигнув 36,4 % ВВП) (Gaidar Institute Publishers, 2023).

В 2023 г. с некоторыми составляющими доходов консолидированного бюджета РФ произошли заметные изменения (по сравнению с 2022 г.), для других сохранились прежние тенденции (рис. 2). Прежде всего, отмечается снижение поступлений от налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами (на 11,5 %). Продолжилось уменьшение доходов от внешнеэкономической деятельности (на 28,8 %). Примечательно снижение отрицательной суммы по акцизам по подакцизным товарам, производимым на территории РФ (на 31,3 %).

Необходимо отметить почти двукратный рост в 2023 г. безвозмездных поступлений, однако их доля в общих доходах бюджета остается невысокой. Так, по итогам 2023 г. безвозмездные поступления от компаний (так называемый налог на выход для иностранных компаний) составили 116,5 млрд руб., что примерно соответствовало оценке, данной в сентябре 2023 г. в проекте бюджета. На середину марта 2024 г. по этой статье доходов было получено уже 35,7 млрд руб., что в 17 раз больше плана на весь 2024 г. (в бюджете закладывались поступления в размере 2,1 млрд руб.)²¹. Из системообразующих налогов отметим в 2023 г. рост

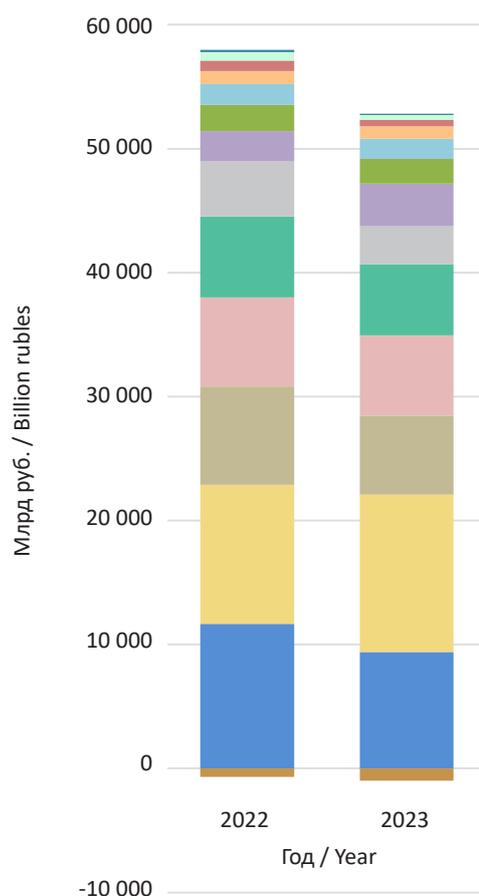
¹⁷ Федеральное казначейство. (2022). Доходы по классификации доходов. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/konsolidirovanny-budget-rf-i-gvbf/dohody-k/?paramPeriod=2022>

¹⁸ Социально-экономическое положение России. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

¹⁹ Федеральное казначейство. (2022). Исполнение государственных программ Российской Федерации. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-gosprogrammy/?paramPeriod=2022>

²⁰ Федеральное казначейство. Консолидированный бюджет РФ и ГВБФ. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/konsolidirovanny-budget-rf-i-gvbf/>

²¹ РБК. (2024, 20 марта). Безвозмездные взносы бизнеса в бюджет превысили план в 17 раз. <https://www.rbc.ru/economics/20/03/2024/65f966329a7947885432dea1>

- Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории РФ / Excise duties on excisable goods (products) produced on the territory of the Russian Federation
- Акцизы на товары, ввозимые на территорию РФ / Excise duties on goods imported into the territory of the Russian Federation
- Безвозмездные поступления / Gratuitous receipts
- Платежи при пользовании природными ресурсами / Payments for the use of natural resources
- Налоги на совокупный доход / Taxes on total income
- Налоги на имущество / Property taxes
- Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности / Income from the use of state and municipally owned property
- Доходы от внешнеэкономической деятельности / Income from foreign economic activity
- НДС на товары, ввозимые на территорию РФ / VAT on goods imported into the territory of the Russian Federation
- Налог на доходы физических лиц / Personal income tax
- НДС на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ / VAT on goods (works, services) sold in the territory of the Russian Federation
- Налог на прибыль организаций / Tax on profit of organizations
- Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами / Taxes, fees and regular payments for the use of natural resources
- Страховые взносы на обязательное социальное страхование / Insurance contributions for compulsory social insurance

Рис. 2. Доходы консолидированного бюджета РФ и государственных внебюджетных фондов

Источник: подготовлено авторами на основе: Социально-экономическое развитие России. Росстат (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>).

Fig. 2. Revenues of the Russian consolidated budget and state extra-budgetary funds

Source: prepared by the authors based on: Social-economic development of Russia. Rosstat (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>).

поступлений налога на прибыль и страховых взносов (около 24 %), НДФЛ (14,1 %) и НДС (10,7 %). При этом следует учитывать значительную инфляционную составляющую в этом росте.

Что касается расходов государственного бюджета, с 2022 г. данные о них в разрезе разделов и подразделов официально не публикуются. Максимальный уровень детализации для расходов федерального бюджета доступен для субъектов бюджетного планирования и главных распорядителей средств²², для последних также имеется информация по целевым статьям расходов и видам расходов²³ и их подразделам²⁴. Для консолидированного бюджета имеется также информация в разрезе субъектов РФ²⁵.

В 2023 г. тенденция опережающего роста расходов государственного бюджета над его доходами продолжилась. В 2023 г. доходы консолидированного бюджета РФ составили 59 073,5 млрд руб. (прирост составил 11,31 % к 2022 г.), а расходы – 62 983,8 млрд руб. (прирост 14,14 % к 2022 г.). В результате в 2023 г. дефицит бюджета вырос и составил 3 910,3 млрд руб. (т. е. 6,62 % от доходов)²⁶.

В условиях ограничений на внешние заимствования Россия была вынуждена опираться исключительно на внутренние источники финансирования бюджетного дефицита. В результате рост бюджетного дефицита значительно повлиял на состояние рынка внутреннего государственного долга (Букина, 2022). В 2022 г. прирост внутреннего долга РФ составил более 13,9 %, в 2023 г. – более 10,8 %²⁷. В то же время наблюдалось снижение внешнего долга. Если в 2022 г. внешний долг уменьшился на 16,9 млрд долл. США (менее чем на 5 %), то в 2023 г. его сокращение уже составило 68,2 млрд долл. США, или 17,7 %²⁸. В целом на 01.01.2023 государственный долг РФ составил 14,9 % к ВВП (из них 12,2 % приходилось на внутренний долг и 2,6 % – на внешний)²⁹. Сравнивая эти значения с пороговым 60%-м уровнем госдолга к ВВП, определенным Маастрихтским договором для европейских стран, можно утверждать, что уровень госдолга в РФ пока далек от критических значений. Однако темпы роста внутреннего долга в условиях дефицита государственного бюджета вызывают определенную обеспокоенность, с учетом уже имевшейся у России практики дефолта в 1998 г.

Вследствие благоприятной конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, активной фискальной политики государства (в том числе эффекта мультипликатора госрасходов) и прочего реальный ВВП России в 2022 г. упал только на 2,1 %, что оказалось ниже прогноза Минэкономразвития (–2,5 %). Фактический результат оказался также намного лучше пессимистического сценария МВФ (в апреле 2022 г. им предсказывалось снижение российской экономики на 8,5 % в 2022 г. и на 2,3 % в 2023 г.³⁰). При этом МВФ и Банк России в 2023 г. уже прогнозировали рост российской экономики. В январе 2024 г. МВФ опубликовал прогноз роста экономики России в 2023 г. на уровне 3 %, в 2024 и 2025 гг. – на уровне 2,6 и 1,1 % соответственно³¹. Согласно отчетным данным Министерства экономического развития³², рост ВВП по итогам 2023 г. составил

²² Официальный сайт Федерального казначейства. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-po-grbs/rashody-po-grbs/?paramPeriod=2022>

²³ Официальный сайт Федерального казначейства. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-po-grbs/rashody-grbs-po-csr-i-vr/?paramPeriod=2022>

²⁴ Федеральное казначейство. (2022). Расходы: подразделы по ЦСР и ВР. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/rashody/rashody-po-razdelam-podrazdelam/rashody-podrazdely-po-csr-i-vr/?paramPeriod=2022>

²⁵ Федеральное казначейство. (2022). Расходы по ФКР в разрезе субъектов РФ. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/konsolidirovanny-budget-rf-i-gvbf/rashody-po-fkr-v-razreze-subjektov-rf/?paramPeriod=2022>

²⁶ Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

²⁷ Минфин России. (2021, 11 апреля). Таблицы ежемесячных значений объема государственного внутреннего долга Российской Федерации. https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/structure?id_4=93479-tablitsy_ezhemesyachnykh_znachenii_obema_gosudarstvennogo_vnutrennego_dolga_rossiiskoi_federatsii

²⁸ Банк России. (2023). Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации в 2023 году. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/

²⁹ Федеральное казначейство. (2022). Государственный долг. <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/finansovye-rezultaty-deyatelnosti/gosudarstvennyj-dolg/?paramPeriod=2022>

³⁰ Международный валютный фонд. (2022, April). War sets back the global recovery. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>

³¹ Международный валютный фонд. (2024, January). Moderating inflation and steady growth open path to soft landing. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/01/30/world-economic-outlook-update-january-2024>

³² Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/a30ffe689e1cd3fa8f083b2d7aa36cb1/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2023_goda.pdf

3,6 %. Однако, согласно оценкам аналитиков, треть этого прироста обеспечили отрасли ВПК и смежные с ним отрасли³⁵.

Будущее бюджетной сферы зависит от состояния производственного сектора и внешней торговли, мировых цен на нефть и газ. Последние все еще формируют основные риски бюджетных доходов. В условиях нестабильности нефтегазовых доходов особое значение приобретает следование бюджетному правилу, позволяющему перераспределять бюджетные доходы в цикле и смягчать циклические колебания экономики. При этом Кудрин с соавторами (2023) отмечают, что эффективность бюджетных правил (их контрциклическое влияние на государственные расходы и уменьшение долговой нагрузки на экономику) зависит от действенности механизмов контроля за их соблюдением, что зависит от институциональной среды и политической воли руководства.

Влияние новых санкций на развитие отраслей российской экономики

Как уже отмечалось в обзоре литературы, отраслевые эффекты санкций достаточно подробно изучены в отечественной литературе. Поэтому сосредоточимся на анализе общих тенденций последних двух лет.

С целью оценки влияния новых санкций на развитие отраслей российской экономики в табл. 1 приведена информация о росте объемов производства в отдельных секторах российской экономики в 2023 г., полученная на основе данных докладов Минэкономразвития «О динамике промышленного производства. Итоги 2023 г.»³⁴ и «О текущей ситуации в российской экономике»³⁵.

Таблица 1

Рост объемов производства в отдельных секторах экономики в 2023 г., %
Table 1. Growth of production in some economic sectors in 2023, %

Сектор / Sector	Рост к 2022 г. / Growth by 2022	Рост к 2021 г. / Growth by 2021
Промышленное производство / Industrial production	3,5	4,2
Обрабатывающая промышленность / Manufacturing industries	7,5	7,8
Машиностроительный комплекс / Machine building	21,1	14,0
Металлургический комплекс / Metallurgy	9,3	12,2
Химическая промышленность / Chemical industry	5,0	4,7
Пищевая промышленность / Food industry	4,6	6,3
Нефтеперерабатывающий комплекс / Oil processing	2,6	2,0
Добывающая промышленность / Mineral extraction	-1,3	0,2
Объем строительных работ / Construction	7,9	16,0
Выпуск продукции сельского хозяйства / Agricultural production	-0,3	11,0
Грузооборот транспорта / Freight turnover	-0,6	-2,9
Грузооборот транспорта (без трубопроводного транспорта) / Freight turnover (without pipe transportation)	1,9	2,1
Оборот розничной торговли / Retail trade turnover	6,4	-0,5

Источник: Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf

Source: Ministry of economic development of the Russian Federation. (2024). On the dynamics of industrial production. Results of 2023. https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf

³⁵ Сапожков, О. (2023, 15 декабря). Военно-промышленный перегрев. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/6397842>

³⁴ Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf

³⁵ Министерство экономического развития Российской Федерации. (2024). О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2023 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/a30ffe689e1cd3fa8f083b2d7aa36cb1/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2023_goda.pdf

Как видно из табл. 1, максимальный рост в 2023 г. по отношению к 2022 г. демонстрирует машиностроительный комплекс (что объясняется в основном ростом оборонзаказа), а к 2021 г. – строительство. Также в новом санкционном периоде продолжилось импортозамещение в ряде отраслей российской экономики. Так, по данным Росстата³⁶, средний прирост производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов составил 3,96 % в 2023 г. по отношению к 2022 г. При этом наибольший рост (более 15 %) показало производство сливок и сыров, а в категориях «овощи (кроме картофеля)», «грибы замороженные» и «филе рыбное мороженое», напротив, наблюдалось наибольшее (около 15 %) снижение.

Влияние новых санкций на финансовую систему России

В первые месяцы новых санкций существенно пострадал российский фондовый рынок по причине негативных новостей о перспективах российской экономики, роста неопределенности и рисков инвестирования, запретов на торговлю иностранными ценными бумагами и снижения ликвидности российских ценных бумаг, массового ухода иностранных инвесторов, трудностей с проведением платежей. Индекс Московской биржи по состоянию на 22.02.2022 составлял 3 084,74 пункта, а 24.02.2022 (в день объявления СВО) он упал до 2 058,12 пункта³⁷. Иными словами, за один день российский фондовый рынок обвалился почти на треть (–33,28 %). Это привело к тому, что Московская биржа приостановила торговлю до дальнейшего уведомления. Уже 27.02.2022 иностранным клиентам была запрещена продажа любых ценных бумаг, с 21.03.2022 были возобновлены торги гособлигациями, а с 24.03.2022 – акциями российских эмитентов, которые не размещались на зарубежных биржевых площадках³⁸. Уверенное восстановление цен российских фондовых активов началось с февраля 2023 г. К 01.04.2024 индекс Мосбиржи достиг уровня 3 439,68, что на 75,7 % выше трехлетнего минимума – значения на 01.09.2022 (1 957,31), однако пока на 17,1 % ниже его максимального значения на 01.10.2021 (4 150)³⁹.

Значительные проблемы испытала также банковская система России в первый год новых санкций. К числу таковых прежде всего относятся замораживание зарубежных активов, отключение от системы быстрых платежей *SWIFT* и уменьшение доступа к иностранной валюте и зарубежным рынкам капитала. Так, около двух третей российской банковской системы с точки зрения активов потеряли доступ к финансовым системам США и/или Европы. Банк России лишился управления около 40 % зарубежных активов (Demertzis et al., 2022). Нестабильность национальной валюты в условиях санкций увеличила валютные риски российских банков (Глебова, Березин, 2023).

В целом 2022 г. для банковской системы оказался вполне удачным с точки зрения роста кредитования корпоративного сектора (+14,3 %), а также увеличения ипотеки (+20 %). Банки нарастили вложения в гособлигации (+10 %), а их корпоративные клиенты получили существенные бюджетные средства на счета (+5,8 %)⁴⁰. В апреле – июне 2022 г. отмечался небольшой рост просрочки по кредитам, но потом ситуация стабилизировалась и доля просроченной задолженности по итогам года даже несколько снизилась. 2023 г. по кредитованию оказался значительно лучше 2022 г.: корпоративные кредиты выросли на 20,1 %, ипотечные – на 34,5 %, после стагнации восстановилось потребительское кредитование (+15,7 %)⁴¹.

Между тем переоценка валютных и фондовых активов банковского сектора, потери по деривативам и другие неприятности привели к тому, что с марта по июнь 2022 г. общие убытки кредитных организаций выросли более чем на 1 587 млрд руб. Хотя 2022 г. в целом банки свели с небольшой прибылью 203,2 млрд руб. (что составило лишь 8,6 % к уровню 2021 г.), этот результат был в основном достигнут за счет переоценки в конце года валютных активов по причине обесценения рубля. В 2023 г. ситуация значительно улучшилась,

³⁶ Официальный сайт Росстата. <https://rosstat.gov.ru/folder/11188>

³⁷ Финансовая платформа Investing.com. Fusion Media Limited. <https://ru.investing.com/indices/mcx-historical-data>

³⁸ Официальный сайт Московской биржи. <https://www.moex.com/>

³⁹ Финансовая платформа Investing.com. Fusion Media Limited. <https://ru.investing.com/indices/mcx?ysclid=luvgfbj45i990647171>

⁴⁰ Центральный Банк Российской Федерации. О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2022 г. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43685/razv_bs_22_12.pdf

⁴¹ Банк России. (2024). О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2023 г. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/47805/razv_bs_23_12.pdf

однако по итогам года прибыль кредитных организаций составила лишь 42,6 % к уровню 2021 г.⁴² В целом количество кредитных организаций в исследуемом периоде изменилось незначительно (уменьшившись на девять действующих организаций в 2022 г. и на две в 2023 г.).

Банковская система достаточно быстро и с небольшими потерями справилась с санкциями. Это стало возможным благодаря быстрому внедрению отечественной системы платежей (аналога *SWIFT*) на основе Национальной системы платежных карт (НСПК) «Мир», росту российской экономики, замещению фондовых ресурсов предприятий банковскими, росту спроса населения на ипотечные и потребительские кредиты. Немаловажную роль в восстановлении банковской системы и финансовых рынков сыграли грамотный менеджмент и эффективная политика Банка России, что отмечается также зарубежными исследователями (Demertzis et al., 2022). Умелые действия финансового мегарегулятора совместно с грамотным банковским управлением позволили значительно повысить финансовую стабильность экономики, что положительно сказалось на функционировании ее реального сектора.

Влияние новых санкций на экономику российских регионов

Ответ экономик регионов на санкционный шок оказался весьма разнородным. Вследствие изменения мировых хозяйственных связей, приоритетов в экономической политике и сдвигов в отраслевой структуре производства новый санкционный период, в отличие от периода пандемического шока, может привести к существенному перераспределению пространственного потенциала в масштабах страны (Зубаревич, 2022). Изменение экономических позиций отдельных российских регионов может также отразиться на уровне и характеристиках межрегионального неравенства. Но каким оно будет в будущем, судить пока рано.

Прежде всего, промышленное производство в регионах росло крайне неравномерно. По данным Федеральной службы государственной статистики⁴³, индекс промышленного производства в 2023 г. по отношению к 2022 г. в регионах РФ варьировал в диапазоне от -11,6 % (Приморский край) до +29,5 % (Камчатский край). Рост промышленного производства (более 20 %) отмечался также в Чувашской Республике. Спад производства демонстрировали 19 регионов. Кроме указанного выше Приморского края, падение промышленного производства в 2023 г. произошло в следующих субъектах РФ: Магаданская, Мурманская, Калининградская, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Архангельская и Астраханская области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Еврейская автономная область, Красноярский и Хабаровский края, республики Тыва, Крым, Бурятия и Коми. Следует отметить, что в эту группу попадают в основном центры добывающей промышленности и приграничные регионы, расположенные вне новых торговых магистралей. В более выгодном положении оказались регионы с развитой обрабатывающей промышленностью, получившие военные заказы.

В приложении на рис. П1 представлен индекс промышленного производства в регионах России в 2023 г. в % к 2022 г., а на рис. П2 – в % к 2021 г.

Следует отметить, что благодаря восстановительному росту 2023 г., по результатам двух лет (т. е. к 2021 г.) ситуация в промышленности несколько скорректировалась по сравнению с 2022 г. Так, по итогам 2023 г. был полностью перекрыт спад промышленного производства 2022 г. в ряде добывающих регионов: Ханты-Мансийском и Ненецком АО, а также в республиках Коми, Бурятия и Тыва. В то же время к регионам, у которых промышленное производство в 2023 г. оказалось ниже уровня 2021 г., добавились Калужская, Сахалинская, Новгородская, Орловская, Костромская, Вологодская, Ивановская и Оренбургская области, республики Карелия и Хакасия, а также Чукотский АО. Максимальный рост объемов производства в промышленности (более 20 %) по результатам двух лет демонстрируют республики Дагестан, Ингушетия, Тыва, г. Москва, Чувашская Республика и Брянская область.

Ситуация в бюджетной сфере регионов также оказалась весьма различной. По результатам исполнения консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2021 г. 66 регионов имели профицит, а в 2023 г. их количество сократилось ровно в два раза, т. е. профицитных регионов осталось только 33. При этом в 21 регионе профицит наблюдался как в 2021, так и в 2023 г. В этот список входят Амурская, Астраханская, Вологодская, Курганская, Ленинградская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Томская, Тю-

⁴² Банк России. Показатели деятельности кредитных организаций. https://cbr.ru/statistics/bank_sector/pdco_sub/

⁴³ Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

менская и Челябинская области, Забайкальский, Краснодарский, Красноярский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Удмуртская и Чувашская республики. Еще в 12 регионах профицит наблюдался только в 2023 г., среди них: Смоленская, Липецкая, Брянская, Тверская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская и Тамбовская области, Республика Крым и Ханты-Мансийский АО.

Денежно-кредитная политика в условиях санкций

Во время санкций денежно-кредитная политика приобрела двойственный (даже можно сказать, гибридный) характер.

С одной стороны, перед Банком России стояла задача сдерживания инфляции, и поэтому он был вынужден проводить жесткую денежно-кредитную политику, увеличивать процентную ставку, вводить валютные ограничения. С 28.02.2022 ключевая ставка была повышена с 9,5 до 20 %, находилась на этом уровне до 08.04.2022, затем постепенно снижалась, достигнув минимума в 7,5 % 20.09.2022, на котором сохранялась в течение десяти месяцев (до 20.07.2023), после чего началось ее новое постепенное повышение. С 18.12.2023 ключевая ставка находится на уровне 16 %⁴⁴.

С другой стороны, денежная политика должна была поддерживать активную фискальную политику, направленную на стимулирование государственных расходов и экономического роста, в противном случае экономика бы столкнулась с существенным эффектом вытеснения. Поэтому одновременно с увеличением стоимости денег Банк России значительно увеличил денежную массу и кредитование коммерческих банков. Так, объем денежной массы (агрегат M2) только в 2022 г. увеличился на 22,4 %, а в 2023 г. вырос еще на 19,4 %⁴⁵. Объем кредитов Банка России кредитным организациям в восстановительном (после пандемии) 2021 г. увеличился на 126,6 %, в 2022 г. он вырос еще на 108,8 %, однако в 2023 г., в силу увеличения ставки, стал больше только на 10,5 %. Примечательно то, что с 2021 г. у Банка России наряду с традиционными формами рефинансирования появились так называемые другие кредиты. Известно лишь то, что для них установлены более гибкие правила имущественного обеспечения, другой информации о них нет. Их доля в общем объеме выданных Банком России кредитов в 2021 г. составила 39,2 %, в 2022 г. – 33,3 %, а в 2023 г. – 27,9 %⁴⁶.

Активная денежная политика сказалась и на росте кредитования коммерческими банками экономики. Объем кредитов, депозитов и прочих средств, предоставленных корпоративным клиентам, физическим лицам и кредитным организациям (в рублях и иностранной валюте), в 2022 г. вырос на 27,29 %, а в 2023 г. – еще на 27,03 %⁴⁷. При этом доля кредитов и прочих средств (в рублях и иностранной валюте), предоставленных корпоративным клиентам на срок свыше одного года, в общем объеме выданных им кредитов и прочих средств на 1 января 2024 г. составила 74,6 %. Объем депозитов, кредитов и прочих привлеченных кредитными организациями средств (в рублях и иностранной валюте) на 1 января 2024 г. вырос к аналогичному показателю на 1 января 2023 г. на 27,31 %. Объем государственных ценных бумаг на конец декабря 2023 г. увеличился по сравнению с соответствующей датой 2022 г. на 11,6 %⁴⁸.

Налоговая политика в условиях санкций

Увеличение государственных расходов, в том числе на финансирование оборонзаказа, породило проблему недостатка бюджетных средств. Основным способом ее решения стало расширение государственного долга, а в последующем рост налогов.

В отличие от денежно-кредитной политики, которая может оперативно реагировать на изменение текущей ситуации (пересмотр ключевой процентной ставки и нормы обязательных резервов можно осуществлять несколько раз в месяц, а устанавливать лимиты рефинансирования каждый день) и ее можно проводить в режиме точной настройки (*fine tuning*), налоговая политика характеризуется длинными лагами, невозможностью или

⁴⁴ Банк России. (2024). Ключевая ставка Банка России. https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/

⁴⁵ Банк России. Денежно-кредитная и финансовая статистика. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/#a_128613file

⁴⁶ Банк России. Ликвидность банковского сектора, инструменты денежно-кредитной политики и другие операции Банка России. https://www.cbr.ru/statistics/idkp_br/

⁴⁷ Банк России. Показатели деятельности кредитных организаций. https://cbr.ru/statistics/bank_sector/pdko_sub/

⁴⁸ Социально-экономическое положение России: доклад. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

сложностью оперативного приспособления правил к текущей ситуации. В экономической теории известны три лага экономической политики: лаг осознания проблемы, лаг принятия решения и лаг воздействия. Именно они порождают проблему несогласованности во времени (*time inconsistency* или *dynamic inconsistency*) экономической политики и снижают ее эффективность.

В налоговой политике лаг принятия решения существенно выше, чем в денежно-кредитной политике: все изменения в налоговом законодательстве требуют обсуждения в Государственной Думе, должны быть законодательно закреплены и вступают в действие не сразу, а с определенной даты. Поэтому налоговые правила (относительно налоговых ставок, льгот, базы действующих налогов, введения новых налогов), в силу высоких транзакционных издержек, меняются гораздо реже и более значительно, чем ставка Банка России. Эффекты налоговых нововведений должны быть просчитаны заранее, так как оперативно скорректировать налоговые правила не получается, а негативные последствия могут быть колоссальными. Лаг воздействия в налоговой политике тоже выше, чем в денежно-кредитной политике. После введения правила начинают работать только тогда, когда наступает период уплаты налога. Однако в отличие от денежно-кредитной политики они применяются в полной мере (тогда как эффекты прежней денежно-кредитной политики сохраняются еще длительное время в силу действия заключенных ранее кредитных, депозитных договоров, что создает процентные и прочие риски у банковской системы). Правда, относительная оперативность налоговой политики может проявляться, когда речь идет о смягчении налогового режима (примером является отмена налога с процентных доходов в период пандемии). В целом динамическая несогласованность проявляется в налоговой политике значительно, по крайней мере в краткосрочном периоде.

Эффект динамической несогласованности российской налоговой политики обнаружился и в период пандемии и новых антироссийских санкций, однако отчасти сыграл положительную роль. Меры, направленные на борьбу с пандемическим кризисом, оказались вполне уместными для борьбы с санкционными шоками. Действительно, многие изменения, вступившие в силу с 2022 г.⁴⁹, были приняты еще в 2021 г., т. е. еще без учета изменившейся экономической обстановки. Поэтому в 2022 г. налоговая политика в основном была направлена на стимулирование постпандемического восстановления секторов российской экономики. В частности, она предусматривала снижение налоговой нагрузки для субъектов МСП в отдельных отраслях экономики (обрабатывающие производства, турагентства, здравоохранение, культура, спорт, индустрия красоты), продление сроков уплаты налогов с последующей рассрочкой налоговых платежей. Экономический эффект этой меры составил 37 млрд рублей высвобожденных средств, распространился на 500 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса с количеством занятых около 1,5 млн человек⁵⁰.

В 2022 г. также была введена отсрочка выплаты страховых взносов для всех предприятий, работающих на внутренний рынок. Экономический эффект этой меры составил около 1,7 трлн рублей и распространился на 2,1 млн налогоплательщиков. Другой важной мерой стало перенесение на месяц срока уплаты авансового платежа по налогу на прибыль организаций по итогам первого квартала 2022 г. Экономический эффект этой меры составил около 500 млрд рублей высвобожденных средств. В условиях санкций эти средства направлялись бизнесом на перестройку логистики и реструктуризацию производства⁵¹.

Также следует отметить освобождение с 1 марта 2022 г. от уплаты НДС продаж банками физическим лицам слитков из драгоценных металлов. Мера была направлена на повышение инвестиционной активности населения. Благодаря налоговому стимулированию ожидалось увеличение продаж золота населению в 2022 г. до 30 тонн (по сравнению с 3,3 тонны в 2021 г.). Однако фактический объем закупок золотых слитков физлицами в России в 2022 г. составил около 100 тонн, в 2023 г. – около 95 тонн⁵², что объясняется повышенным спросом населения на реальные активы в условиях инфляционных рисков.

⁴⁹ ФНС России. (2022, 11 января). Значимые для налогоплательщиков изменения с 2022 года. <https://www.nalog.gov.ru/rn27/news/smi/11757920/>

⁵⁰ Министерство экономического развития Российской Федерации. О ходе реализации Правительством антикризисных мер. https://www.economy.gov.ru/material/file/bf52beecf1a10a82b88953a79edc34e6/daydzhest_mery_podderzhki.pdf

⁵¹ Там же.

⁵² Интерфакс. (2024, 1 февраля). Россияне в 2023 году закупили 95 т золота в слитках. <https://www.interfax.ru/business/943980>

Налоговая политика 2023 г. проводилась в преддверии президентских выборов и была крайне осторожной. Поэтому кардинальных изменений в ней не было, кроме введения единого налогового счета⁵³, который упростил осуществление налогоплательщиками платежей. Между тем потребность в дополнительных налоговых доходах привела к тому, что в 2023 г. компаниям с чистой доналоговой прибылью за 2021–2022 гг. 1 млрд руб. и более предложили сделать «добровольный однократный взнос в бюджет»⁵⁴. Этот взнос касался всех предприятий, попадающих в данную категорию, за исключением предприятий нефтегазового и угольного сектора, а также малого и среднего бизнеса⁵⁵.

С 2024 г. направленность налоговой политики меняется. В условиях роста государственных расходов и дефицита государственного бюджета государство вынуждено идти на увеличение налогов. Так, в 2024 г. вкладчики банков впервые будут обязаны осуществить уплату налога с процентных доходов, превышающих 150 тыс. руб. (по ставкам 13 % при общем годовом доходе из всех источников не выше 5 млн и 15 % с суммы, превышающей это пороговое значение). Также с 2024 г. вводится в действие налог на сверхприбыль предприятий⁵⁶. Это первые меры, касающиеся роста налоговой нагрузки, которыми ужесточение налогообложения, скорее всего, не ограничится. В мае 2024 г. Минфин представил параметры прогрессивного НДС, планируемые к введению в 2025 г.: для доходов до 2,4 млн руб. в год остается действующая ставка 13 %, для доходов от 2,4 до 5 млн руб. в год будет действовать ставка 15 %, для доходов от 5 до 20 млн руб. в год – 18 %, от 20 до 50 млн руб. в год – 20 %, свыше 50 млн – 22 %. По расчетам Минфина, налоги вырастут примерно для 2 млн человек, или 3,2 % от работающего населения страны⁵⁷. Также обсуждается увеличение в 2025 г. налога на прибыль с 20 до 25 %⁵⁸.

В таком случае налогово-бюджетная политика, как и денежно-кредитная политика, становится гибридной. Фискальное стимулирование дополняется увеличением налоговых изъятий. В целом это приводит к увеличению доли госсектора в экономике, сказывается на стимулах к предпринимательской деятельности и труду, влияет на структурные сдвиги в экономике.

Ценовое регулирование

Еще одним важным инструментом государственного регулирования во время санкций стало прямое и косвенное регулирование цен. Прямое регулирование цен осуществлялось в виде установления цен на отдельные группы товаров, а косвенное – через контроль за валютным курсом в условиях ограничений на покупку валюты населением и обязательной продажи валютной выручки экспортерами.

Важная роль в государственном регулировании цен в настоящее время отводится Федеральной антимонопольной службе. Как известно, главной функцией антимонопольной службы является обеспечение условий для рыночной конкуренции и недопущение чрезмерной монополизации рынка, угрожающей нормальному функционированию рыночных механизмов, а также деятельность, связанная с установлением государственных цен и тарифов на тот или иной вид продукции или сервисов, которые предоставляют естественные монополии. В последнее время деятельность Федеральной антимонопольной службы несколько трансформировалась: в ее функции стали входить контроль цен жизненно важных товаров и усиление контроля за «необоснованным повышением цен». Причем необоснованное повышение цен на социально значимые товары может свидетельствовать о наличии монопольного сговора продавцов⁵⁹. В текущих условиях на Федеральную

⁵³ ФНС России. (2023, 9 января). Основные изменения налогового законодательства на 2023 год. <https://www.nalog.gov.ru/tn67/news/smi/12999115/>

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ковалев, П. (2023, 15 марта). В Минфине назвали компании, подпадающие под разовый сбор в бюджет. ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/17271337>

⁵⁶ ФНС России. (2023, 29 сентября). С 1 января 2024 года вводится налог на сверхприбыль. https://www.nalog.gov.ru/tn14/news/tax_doc_news/13890623/

⁵⁷ (2024, 28 мая). Минфин представил параметры прогрессивного НДС. Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/6729548>

⁵⁸ (2024, 28 мая). Ставка налога на прибыль с 2025 г. вырастет до 25 %, появится федеральный инвестирует. Интерфакс. <https://www.interfax.ru/business/962777>

⁵⁹ Новиков, В. (2022, 1 августа). Молчаливый контроль: почему ФАС делает еще один шаг к прямому регулированию цен. Forbes. <https://www.forbes.ru/mneniya/472949-molcaliviy-kontrol-pocemu-fas-delaet-ese-odin-sag-k-pramomu-regulirovaniu-cen>

антимонопольную службу (далее – ФАС) возложен также контроль за ценами не только социально значимых товаров⁶⁰. Кроме того, активно обсуждается законопроект о регулировании цен монополий⁶¹.

Ценовое регулирование имеет свои плюсы и минусы. К очевидным плюсам относится возможность сдерживания открытой инфляции в краткосрочном периоде и всех ее негативных последствий (таких как снижение реальных доходов). Между тем регулирование цен вызывает также массу негативных последствий долгосрочного характера. Инфляция из открытой формы переходит в скрытую (или подавленную) и проявляется товарным дефицитом, снижением качества товаров и услуг, формированием денежного навеса в виде избыточных сбережений, накоплением инфляционного потенциала (Малкина, 2006). Кроме того, точечное регулирование цен вызывает массу структурных дисбалансов в экономике, что в будущем порождает инфляцию структурного происхождения (Малкина, 2006).

Регулирование цен на конечную продукцию негативно сказывается на прибылях предприятий, если они вынуждены покупать факторы производства по рыночным ценам, и издержки производства растут. При этом у предприятий не всегда есть возможность компенсации потерь в маржинальной прибыли ростом объемов производства. Хотя спрос на продукцию таких предприятий может расти, стимулы предпринимательской деятельности снижаются. Кроме того, в условиях перегрева экономики предприятия могут столкнуться с проблемой недостатка и в результате этого удорожания производственных факторов, прежде всего трудовых ресурсов.

Однако в настоящее время все чаще звучат призывы пересмотреть подходы к государственному регулированию цен. Например, в статье Балацкого с соавт. (2022) исследуется опыт ценового регулирования на отдельные группы товаров в странах, подвергшихся мировым санкциям или разного рода торговым ограничениям (Индии, Китае, Кыргызстане, Венесуэле, Иране, Боливии, Саудовской Аравии, России). Авторы приходят к выводу, что применение передового опыта административного регулирования цен может существенно снизить негативный эффект от санкций в среднесрочном периоде.

Заключение

Введенные развитыми странами после присоединения Россией Крыма первые антиросийские санкции носили точечный и несистемный характер. Они главным образом сказались на торговле России со странами-инициаторами и прямых иностранных инвестициях, однако стимулировали импортозамещение в ряде отраслей, что способствовало укреплению промышленного суверенитета России.

Новые беспрецедентные антиросийские санкции, введенные рядом стран после объявления Россией 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине, по-разному сказались на развитии российской экономики в краткосрочном и среднесрочном периодах. В 2022 г. российская экономика все еще использовала ранее накопленный капитал. Благодаря благоприятной конъюнктуре на мировом рынке нефти и продолжению многих контрактов на поставку энергоресурсов в европейские страны в первый год СВО удалось обеспечить положительное сальдо торгового баланса и приток иностранной валюты, что способствовало укреплению рубля осенью – зимой 2022 г. Дополнительные нефтегазовые доходы федерального бюджета, возникшие по причине благоприятной конъюнктуры на рынке энергоресурсов, привели к росту доходов бюджета в целом в 2022 г. Однако из-за опережающего роста расходов бюджет оказался дефицитным. Вследствие благоприятной конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, активной фискальной политики государства реальный ВВП России в 2022 г. упал только на 2,1 %.

В 2023 г. произошли значительные изменения в страновой структуре российского экспорта и торговом балансе страны. Снижение притока иностранной валюты в условиях санкционного замораживания части международных резервов РФ стало оказывать существенное давление на курс рубля и создавало новые инфляционные риски. Сдерживал девальвацию новый валютный режим Банка России, включающий введенное

⁶⁰ Соболев, М., Бойко, А. (2023, 3 марта). ФАС предлагает контролировать цены не только на социально значимые товары. Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/03/03/965074-fas-predlagaet-kontrolirovat-tseni-ne-tolko-na-sotsialno-znachimie-tovari>

⁶¹ Бойко А., Милькин, В. (2022, 30 ноября). ФАС до весны внесет в Кабмин законопроект о регулировании цен монополий. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/11/30/952744-fas-vneset-zakonproekt-o-regulirovanii-tsen-monopolii>

еще в марте 2022 г. Банком России ограничение на снятие денег с валютных счетов населения и возврат обязательной продажи валютной выручки экспортерами.

В 2023 г. тенденция опережающего роста расходов государственного бюджета привела к дальнейшему росту дефицита и накоплению внутреннего долга. Рост бюджетного дефицита в 2022 и 2023 гг. позволил профинансировать увеличивающиеся военные расходы, поддерживать финансирование национальных проектов и социальных программ в условиях ограниченного притока доходов. Доходы уровней бюджетной системы росли неравномерно, а их структура претерпела существенные изменения. Рост ВВП по итогам 2023 г. составил 3,6 %.

Ответ отраслей и экономик регионов на санкционный шок оказался весьма разнородным. Важную роль в реакции отраслей российской экономики и регионов на новый санкционный шок сыграли не только масштаб воздействия и уровень испытанного стресса, но и выработка хозяйствующими субъектами определенных приспособительных стратегий поведения, а также ответные меры федеральных, региональных и местных властей. Прежде всего, новый санкционный кризис по своим последствиям оказался совершенно иным для предпринимательского сектора, нежели пандемический кризис. В условиях новых антироссийских санкций проявились и новые адаптационные стратегии населения.

Новый санкционный режим российской экономики побудил пересмотреть парадигму государственного регулирования экономики, хотя тенденции укрепления политики дирижизма в экономике проявлялись уже давно. Во время СВО политика дирижизма проявилась в увеличении госзаказа, субсидий и прочей поддержки защищенных отраслей при одноразовых изъятиях конъюнктурных доходов крупного бизнеса.

Денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика все более приобретает гибридный характер, сочетая в себе элементы стимулирования и рестрикции. Банк России одновременно увеличивал денежную массу и повышал ключевую ставку. Правительство увеличивало государственные расходы и постепенно заменяло дефицитное финансирование ростом налоговых изъятий.

Важным инструментом государственного регулирования во время санкций стало регулирование цен, которое негативно сказывается на прибылях предприятий, что требует их дополнительной государственной поддержки.

Перспективы российской экономики в условиях санкций зависят как от жесткости и направленности самих санкций, так и от адаптационной способности экономики. Поэтому краткосрочные и долгосрочные последствия санкций могут быть весьма различными. В краткосрочном периоде экономика все еще катится по прежней колее. Возникающие на ее пути препятствия могут привести как к ее повреждению, потере потенциала, так и выработке новых паттернов развития в обход установленных препятствий (хотя не исключено, что они появятся и на новой колее). Основными направлениями развития российской экономики в условиях новых санкций являются импортозамещение, обретение ею технологического и финансового суверенитета. При этом необходимо принимать во внимание затраты времени и материальных ресурсов на достижение этих целей, учитывать возможные потери в качестве в условиях отсутствия конкуренции, возможность роста отставания России от передовых стран в условиях изоляции. Поэтому развитие в новых условиях должно по возможности использовать преимущества международного разделения труда и международной кооперации, быть основанным на поддержке здоровой конкурентной среды. Также оно должно базироваться на естественных преимуществах российской экономики (таких как дешевизна энергии, богатство ресурсов, масштабы рынка и разнообразие природно-климатических условий и экономического потенциала), которые следует использовать в антисанкционной политике.

Список литературы

Аганбегян, А. Г., Клепач, А. Н., Порфирьев, Б. Н., Узяков, М. Н., Широ, А. А. (2020). Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию. *Проблемы прогнозирования*, 6(183), 18–26. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>

Афонцев, С. А. (2022). Политические парадоксы экономических санкций. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(55), 193–198. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10>

- Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А., Юревич, М. А. (2022). Регулирование цен в условиях санкций: международный опыт. *Journal of Economic Regulation*, 13(3), 53–64. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.3.053-064>
- Белозеров, С. А., Соколовская, Е. (2020). Экономические санкции против России и оценка политики по преодолению их воздействия. *Экономика региона*, 16(4), 1115–1131. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-8>
- Букина, И. С. (2022). Влияние санкций и перспективы бюджетно-налоговой политики в России. *Федерализм*, 27(3), 109–124. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-109-124>
- Буклемишев, О. В. (2022). Финансовые санкции и будущее глобализации. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(55), 207–212. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-12>
- Гальцева, Н. В., Шарыпова, О. А. (2023). Золотодобывающая промышленность России: санкционные шоки. *Пространственная экономика*, 19(2), 70–93. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.2.070-093>
- Гареев, Т. Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Глебова, А. Г., Березин, А. М. (2023). Регулирование валютных рисков российских банков в условиях международных санкций. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 29(4), 105–114.
- Гузикова, Л. А., Дубэкэ, Б., Шахбази, А. С. (2022). Финансовые санкции как катализатор финансовой деглобализации. *Экономические науки*, 209, 317–322. <https://doi.org/10.14451/1.209.317>
- Гусев, А. Б., Юревич, М. А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения. *Terra Economicus*, 21(3), 17–31. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31>
- Дементьев, В. Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства. *Terra Economicus*, 21(1), 6–18. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18>
- Дементьев, В. Е., Устюжанин, В. Л., Устюжанина, Е. В. (2024). Социально-экономическая политика государства в кризисные периоды: исторический экскурс и некоторые выводы. *Terra Economicus*, 22(1), 6–19. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-6-19>
- Дудин, М. Н., Шкодинский, С. В., Иванов, М. О. (2023). Актуальные проблемы обеспечения финансового суверенитета России в условиях международных санкций. *Финансы: теория и практика*, 27(1), 185–194. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194>
- Еремина, А. Е. (2019). Экономические санкции: понятие, типология, особенности. *Постсоветский материк*, 4(24), 78–93.
- Земцов, С. П., Барина, В. А., Михайлов, А. А. (2023). Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России. *Экономическая политика*, 18(2), 44–79. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>
- Зубаревич, Н. В. (2022). Регионы России в новых экономических условиях. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(55), 226–234. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
- Зубаревич, Н. В., Землянский, Д. Ю. (2023). Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 г.: основные тенденции. *Экономическое развитие России*, 30(3), 47–55.
- Каравай, А. В. (2023). Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции. *Terra Economicus*, 21(4), 91–105. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105>
- Каукин, А. С., Миллер, Е. М., Косарев, В. С. (2023). Перспективы российской нефтяной отрасли в условиях санкций. *Экономическая политика*, 18(3), 82–109. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-3-82-109>
- Климанов, В. В., Михайлова, А. А. (2023). Изменение бюджетных параметров в условиях турбулентности. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4, 62–69. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-62-69>
- Кудрин, А. Л., Соколов, И. А., Сучкова, О. В. (2023). Оценка влияния бюджетных правил на цикличность государственных расходов. *Вопросы экономики*, 5, 5–22. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-5-22>
- Ленчук, Е. Б. (2023). Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 4(61), 224–230.
- Лькова, Л. Н. (2016). Влияние внешних шоков на доходы бюджетов субъектов Российской Федерации. *Федерализм*, 4(84), 137–148.
- Малкина, М. Ю. (2006). *Инфляция и управление инфляционными процессами в российской и зарубежной экономике*. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
- Малкина, М. Ю. (2023). Стресс реальных доходов в российских регионах в условиях пандемии и санкций. *Пространственная экономика*, 19(4), 58–83. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.058-083>
- Малкина, М. Ю., Балакин, Р. В. (2023). Изменение стресса налоговых поступлений российских регионов под влиянием внешних шоков. *Регион: Экономика и Социология*, 3, 3–31.
- Малкина, М. Ю., Овчаров, А. О., Балакин, Р. В., Виноградова, А. В., Гриневич, Ю. А., Лавров, С. Ю. (2023). *Экономические кризисы и их влияние на экономику России*. Москва: НИЦ «ИНФРА-М». <https://doi.org/10.12737/1898397>
- Манушин, Д. В. (2023). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 775–799. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799>
- Манушин, Д. В. (2024). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>

- Михеева, Н. Н. (2023). Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам. *Проблемы прогнозирования*, 6(201), 201–219. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-207-219>
- Осипов, В. С., Сатторов, Ш. А. (2023). Закон «убывающей отдачи санкции»: почему каждый новый пакет санкций может оказаться менее эффективным? *Финансовый бизнес*, 5(239), 157–160.
- Полтерович, В. М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Пономаренко, А. А., Попова, С. В., Синяков, А. А., Турдыева, Н. А., Чернядьев, Д. Н. (2020). Оценка последствий пандемии для экономики России через призму межотраслевого баланса. *Деньги и кредит*, 79(4), 3–17. <https://doi.org/10.31477/rjmf.202004.03>
- Симачев, Ю. В., Яковлев, А. А., Голикова, В. В., Городный, Н. А., Кузнецов, Б. В., Кузык, М. Г., Федюнина, А. А. (2023). Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования. *Вопросы экономики*, 12, 5–30. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-5-30>
- Скрыпник, Д. В., Шаклеина, М. В., Зайцев, А. А. (2024). Контрсанкции на продовольственном рынке и благосостояние населения России. *Экономическая политика*, 19(1), 30–65. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-1-30-65>
- Тимофеев, И. Н. (2022). Политика санкций против России: новый этап. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(55), 198–206. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-11>
- Ушкалова, Д. И. (2022). Внешняя торговля России в условиях санкционного давления. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(55), 218–226. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
- Фокеев, М. А. (2022). Отрасль авиаперевозок в условиях санкций: применим ли опыт Ирана в России. *ЭКО*, 8(578), 106–131. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2022-8-106-131>
- Френкель, А. А., Тихомиров, Б. И., Сурков, А. А. (2023). Экономика России в 2022–2024 годах: итоги, тенденции, прогнозы. *Вопросы статистики*, 30(3), 33–52. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-3-33-52>
- Фролова, Е. В., Рогач, О. В. (2023). Влияние экономических санкций на социальное благополучие россиян в регионах. *Российский экономический журнал*, 6, 101–116.
- Широв, А. А. (2023). Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности. *Проблемы прогнозирования*, 2(197), 6–17. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-6-17>
- Якобсон, Л. И. (2023). Стратегическое планирование в условиях неопределенности: адаптивность ради устойчивости. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 4(61), 230–236.
- Demertzis, M., Hilgenstock, B., McWilliams, B., Ribakova, E., & Tagliapietra, S. (2022). How have sanctions impacted Russia? *Policy Contribution*, 18/22, 1–19.
- Gaidar Institute Publishers. (2023). *Russian Economy in 2022. Trends and outlooks* (Iss. 44).
- Kolomak, E. (2020). Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity. *R-Economy*, 6(3), 154–161. <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013>
- Konovalova, M., Kuzmina, O., & Semochkina, Y. (2019). Development of the Russian stock market under external shocks. *European proceedings of social and behavioural sciences*, 57, 1446–1456. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.147>
- Korostelkina, I., Dedkova, E., & Varaksa, N. (2020). Resilience of the Russian financial system under external shocks. *E3S Web of Conferences*, 208, 03038. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020803038>
- Malkina, M. Yu. (2023). Resilience of Russian regions in the context of the pandemic and sanctions. *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 3(16), 454–467.
- Shapovalova, D., Galimullin, E., & Grushevenko, E. (2020). Russian Arctic offshore petroleum governance: The effects of western sanctions and outlook for northern development. *Energy Policy*, 146, 3646162. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111753>
- Shirov, A. A. (2022). The Russian economy under the impact of the pandemic crisis. *Herald of the Russian academy of sciences*, 92(4), 536–543. <https://doi.org/10.1134/S1019331622040232>
- Sio-Chong, U T., Lin, Y., & Wang, Y. (2024). The impact of the Russia – Ukraine war on volatility spillovers. *International Review of Financial Analysis*, 93, 103194. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103194>
- Zhutiaeva, S. A., Satsuk, T. P., Geysler, A. A., & Bulygina, M. V. (2021). Digitalization of tax control in the Russian Federation: analysis and trends. *European proceedings of social and behavioural sciences*, 103, 449–455. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.03.56>

References

- Afontsev, S. A. (2022). Political paradoxes of economic sanctions. *The Journal of the New Economic Association*, 3(55), 193–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10>
- Aganbegyan, A. G., Klepach, A. N., Porfiryev, B. N., Uzyakov, M. N., & Shirov, A. A. (2020). Post-pandemic restoration of the Russian economy and transition to the sustainable social-economic development. *Problemy Prognozirovaniya* 6(183), 18–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>

- Balatsky, E. V., Ekimova, N. A., & Yurevich, M. A. (2022). Price regulation under sanctions: international experience. *Journal of Economic Regulation*, 13(3), 53–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.3.053-064>
- Belozyorov, S. A., & Sokolovska, O. (2020). Economic sanctions against Russia: assessing the policies to overcome their impact. *Economy of region*, 16(4), 1115–1131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-8>
- Bukina, I. S. (2022). Impact of sanctions and prospects for budgetary and tax policy in Russia. *Federalism*, 27(3), 109–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-109-124>
- Buklemishev, O. V. (2022). Financial sanctions and future of globalization. *The Journal of the New Economic Association*, 3(55), 207–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-12>
- Dementiev, V. E. (2023). Technological sovereignty and priorities of localization of production. *Terra Economicus*, 21(1), 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18>
- Dementiev, V. E., Ustyuzhanin, V. L., & Ustyuzhanina, E. V. (2024). Socio-economic public policy in times of crises: Historical overview and some implications. *Terra Economicus*, 22(1), 6–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-1-6-19>
- Demertzis M., Hilgenstock B., McWilliams B., Ribakova E., Tagliapietra S. (2022). How have sanctions impacted Russia? *Policy Contribution*, 18/22, 1–19.
- Dudin, M. N., Shkodinsky, S. V., & Ivanov, M. O. (2023). Current problems of ensuring the financial sovereignty of Russia in the context of international sanctions. *Finance: theory and practice*, 27(1), 185–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194>
- Eremina, A. E. (2019). Economic sanctions: concept, typology, features. *Post-Soviet Continent*, 4(24), 78–93. (In Russ.).
- Fokeev, M. A. (2022). The air transportation industry under sanctions: applying Iran's experience in Russia. *ECO*, 8(578), 106–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-8-106-131>
- Frenkel, A. A., Tikhomirov, B. I., & Surkov, A. A. (2023). Russian economy in 2022–2024: results, trends, forecasts. *Voprosy statistiki*, 30(3), 33–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-3-33-52>
- Frolova, E. V., & Rogach, O. V. (2023). The impact of economic sanctions on the social well-being of Russians in the regions. *Russian Economic Journal*, 6, 101–116. (In Russ.).
- Gaidar Institute Publishers. (2023). *Russian Economy in 2022. Trends and outlooks* (Iss. 44).
- Galtseva, N. V., & Sharypova, O. A. (2023). Russia's gold mining industry: sanctions shocks. *Spatial Economics*, 19(2), 70–93. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.2.070-093>
- Gareev, T. R. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>
- Glebova, A. G., & Berezin, A. M. (2023). Regulation of currency risks of Russian banks in the context of international sanctions. *Transbaikalian State University Journal*, 29(4), 105–114. (In Russ.).
- Gusev, A. B., & Yurevich, M. A. (2023). The sovereignty of Russia in the area of pharmaceuticals: Challenges and opportunities. *Terra Economicus*, 21(3), 17–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31>
- Guzikova, L. A., Dubieka, B., & Shahbazi, A. S. (2022). Financial sanctions as a catalyst of financial deglobalization. *Economic Sciences*, 209, 317–322. (In Russ.). <https://doi.org/10.14451/1.209.317>
- Jakobson, L. I. (2023). Strategic planning in conditions of uncertainty: adaptivity for sustainability. *The Journal of the New Economic Association*, 4(61), 230–236. (In Russ.).
- Karavay, A. V. (2023). The social capital of Russian society: A year under a special military operation. *Terra Economicus*, 21(4), 91–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105>
- Kaukin, A., Miller, E., & Kosarev, V. (2023). Prospects for Russian oil and refining industries under sanctions. *Economic Policy*, 18(3), 82–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-3-82-109>
- Klimanov, V. V., & Mikhaylova, A. A. (2023). Changing budget parameters in conditions of turbulence. *State and Municipal Administration Scientific Notes*, 4, 62–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-62-69>
- Kolomak, E. (2020). Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity. *R-Economy*, 6(3), 154–161. <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013>
- Konovalova, M., Kuzmina, O., & Semochkina, Y. (2019). Development of the Russian stock market under external shocks. *European proceedings of social and behavioural sciences*, 57, 1446–1456. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.147>
- Korostelkina, I., Dedkova, E., & Varaksa, N. (2020). Resilience of the Russian financial system under external shocks. *E3S Web of Conferences*, 208, 03038. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020803038>
- Kudrin, A. L., Sokolov, I. A., & Suchkova, O. V. (2023). Assessing the impact of fiscal rules on the cyclicity of government expenditures. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-5-22>
- Lenchuk, E. B. (2023). Strategic planning: new challenges in the context of external constraints. *The Journal of the New Economic Association*, 4(61), 224–230. (In Russ.).
- Lykova, L. N. (2016). The external shocks' impact on the revenues of subjects of the Russian Federation budgets. *Federalism*, 4(84), 137–148. (In Russ.).
- Malkina, M. Yu. (2006). *Inflation and managing inflation processes in the Russian and foreign economy*. Publisher of N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Malkina, M. Yu. (2023). Resilience of Russian regions in the context of the pandemic and sanctions. *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 3(16), 454–467.

- Malkina, M. Yu. (2023). Stress on real income in Russian regions under the pandemic and sanctions. *Spatial Economics*, 19(4), 58–83. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.4.058-083>
- Malkina, M. Yu., & Balakin, R. V. (2023). Stress changes of Russian regions' tax systems under the influence of external shocks. *Region: Economics and Sociology*, 3, 3–31. (In Russ.).
- Malkina, M. Yu., Ovcharov, A. O., Balakin, R. V., Grinevich, Ju. A., Vinogradova, A. V., & Lavrov, S. Yu. (2023). *Economic crises and their impact on the Russian economy*. NITS INFRA-M. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/1898397>
- Manushin, D. V. (2023). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 1: Analysis and forecast of managing sanctions against Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 775–799. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799>
- Manushin, D. V. (2024). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>
- Mikheeva, N. N. (2023). Adaptation of the spatial structure of the Russian economy to external shocks. *Problemy Prognozirovaniya*, 6(201), 201–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-207-219>
- Osipov, V. S., & Sattorov, Sh. A. (2023). Law "Descending recommendation of sanctions": why each new package of sanctions may be less effective? *Financial business*, 5(239), 157–160. (In Russ.).
- Polterovich, M. V. (2023). Catching-up development under sanctions: The strategy of positive collaboration. *Terra Economicus*, 21(3), 6–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
- Ponomarenko, A., Popova, S., Sinyakov, A., Turdyeva, N., & Chernyadyev, D. (2020). Assessing the consequences of the pandemic for the Russian economy through an input-output model. *Russian Journal of Money and Finance*, 79(4), 3–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.31477/rjmf.202004.03>
- Shapovalova, D., Galimullin, E., & Grushevenko, E. (2020). Russian Arctic offshore petroleum governance: The effects of western sanctions and outlook for northern development. *Energy Policy*, 146, 3646162. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111753>
- Shirov, A. A. (2022). The Russian economy under the impact of the pandemic crisis. *Herald of the Russian academy of sciences*, 92(4), 536–543. <https://doi.org/10.1134/S1019331622040232>
- Shirov, A. A. (2023). Development of the Russian economy in the medium term: risks and opportunities. *Studies on Russian Economic Development*, 2(197), 6–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-6-17>
- Simachev, Yu. V., Yakovlev, A. A., Golikova, V. V., Gorodnyi, N. A., Kuznetsov, B. V., Kuzyk, M. G., & Fedyunina, A. A. (2023). Russian industrial companies under the “second wave” of sanctions: Response strategies. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 5–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-5-30>
- Sio-Chong, U T., Lin, Y., & Wang, Y. (2024). The impact of the Russia-Ukraine war on volatility spillovers. *International Review of Financial Analysis*, 93, 103194. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103194>
- Skrypnik, D., Shackleina, M., & Zaytsev, A. (2024). Agri-food countersanctions and the welfare of the Russian population. *Economic policy*, 19(1), 30–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-1-30-65>
- Timofeev, I. N. (2022). Policy of sanctions against Russia: Newest stage. *Journal of the New Economic Association*, 3(55), 198–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-11>
- Ushkalova, D. I. (2022). Russia's foreign trade under sanctions pressure. *Journal of the New Economic Association*, 3(55), 218–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
- Zemtsov, S. P., Barinova, V. A., & Mikhailov, A. A. (2023). Sanctions, exit of foreign companies and business activity in the Russian regions. *Economic policy*, 18(2), 44–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>
- Zhutiaeva, S. A., Satsuk, T. P., Geyser, A. A., & Bulygina, M. V. (2021). Digitalization of tax control in the Russian Federation: analysis and trends. *European proceedings of social and behavioural sciences*, 103, 449–455. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.03.56>
- Zubarevich, N. V. (2022). Regions of Russia in the new economic realities. *Journal of the New Economic Association*, 3(55), 226–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
- Zubarevich, N. V., & Zemlianskii, D. Yu. (2023). Consolidated budgets of the regions of the Russian Federation in 2022: main trends. *Economic Development of Russia*, 30(3), 47–55. (In Russ.).

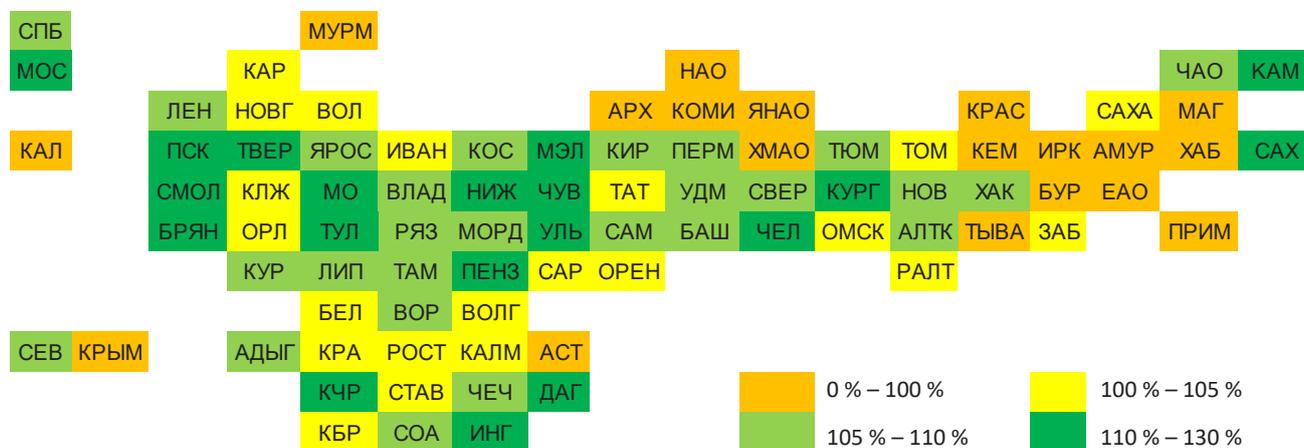

Рис. П1. Индекс промышленного производства в регионах РФ в 2023 г. (к 2022 г.), %

Примечание: названия регионов соответствуют следующим обозначениям: АЛТК – Алтайский край; АМУР – Амурская область; АРХ – Архангельская область; АСТ – Астраханская область; БЕЛ – Белгородская область; БРЯН – Брянская область; ВЛАД – Владимирская область; ВОЛГ – Волгоградская область; ВОЛ – Вологодская область; ВОР – Воронежская область; МОС – город Москва; СПБ – город Санкт-Петербург; СЕВ – город Севастополь; ЕАО – Еврейская автономная область; ЗАБ – Забайкальский край; ИВАН – Ивановская область; ИРК – Иркутская область; КБР – Кабардино-Балкарская Республика; КАЛ – Калининградская область; КЛЖ – Калужская область; КАМ – Камчатский край; КЧР – Карачаево-Черкесская Республика; КЕМ – Кемеровская область – Кузбасс; КИР – Кировская область; КОС – Костромская область; КРА – Краснодарский край; КРАС – Красноярский край; КУРГ – Курганская область; КУР – Курская область; ЛЕН – Ленинградская область; ЛИП – Липецкая область; МАГ – Магаданская область; МО – Московская область; МУРМ – Мурманская область; НАО – Ненецкий АО; НИЖ – Нижегородская область; НОВГ – Новгородская область; НОВ – Новосибирская область; ОМСК – Омская область; ОРЕН – Оренбургская область; ОРЛ – Орловская область; ПЕНЗ – Пензенская область; ПЕРМ – Пермский край; ПРИМ – Приморский край; ПСК – Псковская область; АДЫГ – Республика Адыгея; РАЛТ – Республика Алтай; БАШ – Республика Башкортостан; БУР – Республика Бурятия; ДАГ – Республика Дагестан; ИНГ – Республика Ингушетия; КАЛМ – Республика Калмыкия; КАР – Республика Карелия; КОМИ – Республика Коми; КРЫМ – Республика Крым; МЭЛ – Республика Марий Эл; МОРД – Республика Мордовия; САХА – Республика Саха (Якутия); СОА – Республика Северная Осетия – Алания; ТАТ – Республика Татарстан; ТЫВА – Республика Тыва; ХАК – Республика Хакасия; РОСТ – Ростовская область; РЯЗ – Рязанская область; САМ – Самарская область; САР – Саратовская область; САХ – Сахалинская область; СВЕР – Свердловская область; СМОЛ – Смоленская область; СТАВ – Ставропольский край; ТАМ – Тамбовская область; ТВЕР – Тверская область; ТОМ – Томская область; ТУЛ – Тульская область; ТЮМ – Тюменская область; УДМ – Удмуртская Республика; УЛЬ – Ульяновская область; ХАБ – Хабаровский край; ХМАО – Ханты-Мансийский АО – Югра; ЧЕЛ – Челябинская область; ЧЕЧ – Чеченская Республика; ЧУВ – Чувашская Республика; ЧАО – Чукотский АО; ЯНАО – Ямало-Ненецкий АО; ЯРОС – Ярославская область

Источник: подготовлено авторами на основе: Социально-экономическое развитие России. Росстат (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>)

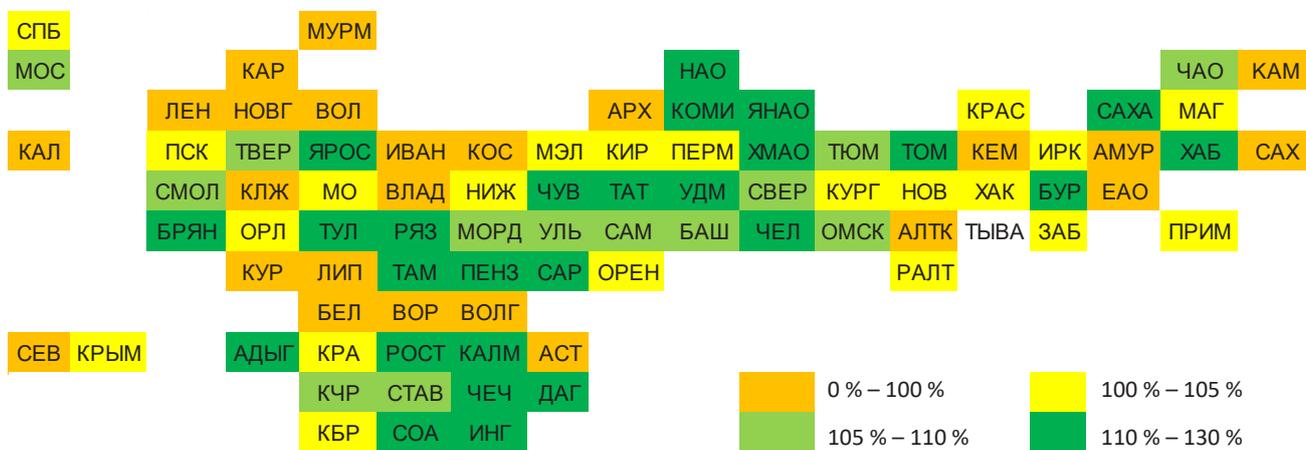

Рис. П2. Индекс промышленного производства в регионах РФ в 2023 г. (к 2021 г.), %

Примечание: названия регионов соответствуют обозначениям, представленным на рис. П1.

Источник: подготовлено авторами на основе: Социально-экономическое развитие России. Росстат (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>)

Вклад авторов

М. Ю. Малкина – концепция, структура статьи, подготовка графического материала (рис. 1), анализ и обобщение тенденций российской экономики в условиях санкций, основные выводы по разделам и в заключении.

Р. В. Балакин – теоретический обзор, подготовка графического материала (рис. 2–4), сбор и обработка данных о состоянии российской экономики в условиях санкций, введение и заключение.

The author’s contributions

M. Yu. Malkina – concept, article structure, preparation of the graphical materials (Fig. 1), analysis and summarization of the Russian economy trends under sanctions, main conclusions by sections and in the summary.

R. V. Balakin – theoretical review, preparation of the graphical materials (Fig. 2–4), collection and processing of data on the condition of the Russian economy under sanctions, introduction and conclusion.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 18.04.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 20.05.2024

Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024